

Г. А. СОЛОМОН

Ленин и его семья (Ульяновы)

<...>

Я перехожу к центральной фигуре этих записок. Но прежде чем говорить о самом Ленине, я приведу краткие характеристики остальных членов его семьи.

В дополнение к тому, что я уже сказал об Анне Ильиничне¹, не могу не привести любопытного мнения о ней самого Ленина. Это мнение было высказано им тоже в Брюсселе.

— Ну, это башкистая баба, — сказал он мне, — знаете, как в деревне говорят — «мужик-баба» или «король-баба»... Но она сделала непростительную глупость, выйдя замуж за этого «недо-тепу» Марка², который, конечно, у нее под башмаком...

И действительно, Анна Ильинична — это не могло укрыться от посторонних — относилась к нему не просто свысока, а с каким-то нескрываемым презрением, как к какому-то недостойному придатку к их семье. Она точно стыдилась того, что он член их семьи и ее муж. И, обращаясь к нему, такому грузному и сильному мужчине, она, такая маленькая и изящная по всей своей фигуре, всегда как-то презрительно скашивала свои японские глаза и поджимала губы. И нередко она с досадой, почти с ненавистью останавливала свой какой-то русалочный взгляд на грузной и добродушной фигуре своего мужа. По-видимому, и он чувствовал себя дома «не у себя». Конечно, несмотря на нашу дружбу с ним, я никогда не касался этого вопроса, но мне больно было видеть, как этот добродушный великан не просто стеснялся, а боялся своей жены.

И вот мне вспоминается, как раз его, такого сдержанного и многотерпеливого, что называется, прорвало. В тот раз Анна

Ильинична была особенно раздражительна в обращении с ним, обрывая его на каждом его слове...

— Ах, Марк, — резко оборвала она его, когда он начал что-то рассказывать, — я не понимаю, к чему ты говоришь об этом, ведь, право же, это никому не интересно... Ты забываешь хорошую поговорку, что слова серебро, а молчание золото... Ведь и Георгию Александровичу скучно слушать...

Марк Тимофеевич остановился на полуслове.

Понятно, и я был неприятно озадачен...

— Что же это, моя женушка, — добродушно и, стараясь владеть собой, спокойно ответил он, — ты что-то уж очень меня режешь...

— Я просто напомнила хорошую русскую поговорку, — заносчиво парировала Анна Ильинична.

— Ну, ладно, — поднимаясь с места, также спокойно заметил Марк Тимофеевич, — я уж лучше пойду к себе...

— И хорошо сделаешь, — колко ответила Анна Ильинична.

А между тем чем больше я узнавал Марка Тимофеевича, тем больше я находил, что это человек вполне почтенный, человек большого аналитического и творческого ума, с большими знаниями, очень искренний и прямой, чуждый фразы, не любивший никаких поз. Напомню, что после большевистского переворота он, по настоянию Анны Ильиничны и Ленина (см. мою книгу «Среди красных вождей»), стал народным комиссаром путей сообщения и не скрывал от меня, что не разделяет ленинизма, и очень здраво, критически относился к самому Ленину. Он, между прочим, первый забросил в меня идею о ненормальности Ленина.

Чтобы покончить с характеристиками остальных членов семьи Ульяновых, отмечу, что брат Ленина, Дмитрий³, был безо всякого давления со стороны его назначен на какой-то весьма высокий пост в Крыму. И по этому поводу, как мне передавал Красин⁴, Ленин в разговоре с ним так отозвался о своем брате:

— Эти идиоты, по-видимому, хотели угодить мне, назначив Митю... они не заметили, что хотя мы с ним носим одну и ту же фамилию, но он просто обыкновенный дурак, которому впору только печатные пряники жевать...

Младшая сестра Ленина, Мария Ильинична Ульянова⁵, с давних пор состоящая на посту секретаря коммунистической «Правды», всегда в своей собственной семье считалась «дурочкой», и мне

вспоминается, как Анна Ильинична относилась к ней со снисходительным, но нежным презрением. Но сам Ленин отзывался о ней вполне определенно... Так, когда мы с ним встретились в Брюсселе — я подробно остановлюсь на наших встречах с ним ниже, — говоря о своей семье и упомянув имя Марии Ильиничны, он, лукаво сощурился, сказал:

— Ну, что касается Мани, она пороку не выдумывает, она... помните, в сказке «Конек-Горбунок» Ершов⁶ так характеризует второго и третьего братьев:

Средний был и так и сяк,
Третий просто был дурак...

И тем не менее М. И. Ульянова, по инициативе самого Ленина, еще в добольшевистские времена была назначена секретарем «Правды». Впрочем, она является на этом посту лицом без речей, но, как сестра «самого», она все-таки окружена известным ореолом. Так, имеются несколько приютов «имени М. И. Ульяновой».

Глава 5

Съезд в Лондоне в 1903 г. — Раскол в партии. — Большевики и меньшевики. — Ленин в 1905 г. в России. — Мой арест и ссылка в Сибирь в 1905–1906 гг. — Из Сибири в Бельгию. — Брюссельская группа Российской социал — демократической партии. — Я — секретарь этой группы. — Большевики и меньшевики в группе. — Мои революционные сношения с Лениным. — Приезд Ленина в Брюссель для доклада. — В. Р. Менжинский. — Сцена в ресторане

После ареста 1901 года я должен был покинуть Москву и почти потерял из вида семейство Ульяновых.

В 1902 году в Лондоне состоялся известный съезд Российской социал-демократической партии, явившийся исторической датой, отмечающей раскол партии на меньшевиков и большевиков. Я не буду останавливаться на этом событии: оно достаточно известно. Но со времени этого раскола имя Ленина выдвинулось на один из первых планов, и становилось все популярнее и популярнее, как вождя большевистской фракции.

Он оставался за границей в качестве эмигранта. В 1905 году Ленин возвратился в Россию и принял деятельное участие в тогдашнем открытом революционном движении. Я жил тогда и работал на революционном поприще в Харькове, где и был снова арестован 9 декабря 1905 года. Незадолго до ареста я получил от Ленина письмо, которым он устанавливал революционную связь со мною. Это было за несколько дней до моего ареста, и, таким образом, я не успел ему ответить. В начале 1906 года я очутился в ссылке, в Сибири, а в 1907 году ссылка была мне заменена высылкой из России. Я уехал в Бельгию, где находился мой старый приятель и товарищ по работе в Харькове Минаков (псевдоним), по убеждениям ярый меньшевик, теперь уже давно умерший.

Я относился крайне отрицательно к эмиграции, и потому, попав в Брюссель, я жил в стороне от русских эмигрантов, тем более что у меня было много личных горестей... Но Минаков, очень популярный в брюссельской эмиграции, всячески старался вытянуть меня из моего уединения. Кончилось тем, что я перезнакомился со всеми. Как и во всех европейских центрах, в Брюсселе существовали разные группы действовавших в то время в России революционных партий. Существовала и «Брюссельская группа Российской социал-демократической партии». Хотя съезд 1902 года и положил начало разделению на две фракции (большевиков и меньшевиков), но наружно партия считалась единой, и заграничные группы ее, по существу уже распавшиеся внутри каждая на две части, с внешней стороны сохраняли декорум цельных организаций. Внутри кипели страсти и взаимная вражда, и люди расходились не только идейно, но рвались и старые дружеские связи.

Брюссельская группа, в частности, была в начале моего приезда в Брюссель очень немногочисленна и организационно очень непрочна. Всем известно, конечно, что секретари такого рода организаций являются, в сущности, душой их и в значительной степени в известном объеме даже диктаторами-руководителями своих групп. Секретарем брюссельской группы было лицо весьма ничтожное во всех отношениях, и вся группа в целом была очень недовольна им по весьма многим и вполне основательным причинам. И вот покойный Минаков стал усердно настаивать, чтобы я согласился войти в группу, а затем еще более настойчиво, апеллируя к моему «социал-демократическому» сердцу, начал уговаривать меня согласиться стать секретарем группы. В конце концов

я согласился и был выбран секретарем. Минаков знал, конечно, что я большевик, и тем не менее, будучи лично ортодоксальным меньшевиком, не за страх, а за совесть употреблял все свое влияние для проведения меня в секретари. В качестве такового я являлся, так сказать, естественным представителем брюссельской группы.

В это время ЦК партии установил похвальный обычай время от времени посылать во все пункты, где имелись российские социал-демократические организации, особых докладчиков по разным современным вопросам. На секретарях групп лежала, между прочим, обязанность не только организовать собрания, где читались такие доклады, но и принимать гастролеров-докладчиков и заботиться о них во время их пребывания в данном пункте. Таким образом, за время моего пребывания в Брюсселе в нем пребывали с самыми разнообразными докладами Мартов⁷, Алексинский⁸, Луначарский⁹, Ленин и др.

Но уже с моего приезда в Брюссель у меня установились с Лениным самые оживленные письменные деловые сношения по всевозможным партийным делам. Надо упомянуть, что Ленин состоял членом ЦК Российской социал-демократической партии (напоминаю, без разделения ее на большевиков и меньшевиков, ибо партия формально была едина), входя одновременно в качестве представителя этой партии и в Бюро Второго Интернационала.

Между прочим, с явкой от Ленина в Брюссель перебрался на жительство и В. Р. Менжинский¹⁰ *, с которым у меня вскоре установились очень близкие дружеские отношения. Когда он приехал, он был очень болен, весь какой-то распухший от болезни почек. В день прибытия Ленина Менжинский вызвался встретить его на вокзале и проводить в небольшой ресторан, где я всегда обедал и где должен был ждать их обоих — час был обеденный.

Я встречал Ленина до сего только один раз. Это было в Самаре, когда я ехал на голод (1891–1892 гг.), где я остановился по дороге, чтобы познакомиться с новым тогда для меня делом постановки столовых для голодающих и пр. И вот здесь-то я встретил В. И. Ульянова, тогда молодого студента, если не ошибаюсь, Казанского университета, из которого он за что-то был уволен. Он тоже работал на голоде в одной из самарских столовых. Меня познакомили с ним как с братом безвременно погибшего Александра Ульянова.

* В настоящее время находится в Москве, где состоит начальником ГПУ.

Я смутно вспоминаю его как довольно бесцветного юношу, представлявшего собою интерес только в качестве брата знаменитости.

И вот, встретившись с ним в ресторане через много лет, я, конечно, не узнал в этом невысокого роста, с неприятным, прямо отталкивающим выражением лица, довольно широкоплечем человеке, обладающем уверенными манерами, того Владимира Ульянова, которого я мельком видел в Самаре.

Я сидел в ожидании Ленина и Менжинского за столиком... Они пришли. Я увидел сперва болезненно согнутого Менжинского, а за ним увидел Ленина. Мне бросилось в глаза одно обстоятельство, и я даже вскочил... Как я выше говорил, Менжинский был очень болен.

Его отпустили из Парижа всего распухшего от болезни почек, почти без денег... Мне удалось кое-как и кое-что устроить для него: найти своего врача и пр., и спустя некоторое время он стал поправляться, но все еще имел ужасный вид с набалдашниками под глазами, распухшими ногами... И вот при виде их обоих: пышущего здоровьем, самодовольного Ленина и всего расслабленного Менжинского — меня поразило то, что последний, весь дрожащий еще от своей болезни и обливающийся потом, нес (как оказалось) от самого трамвая громадный, тяжелый чемодан Ленина, который шел налегке за ним, неся на руке только зонтик...

Я вскочил и вместо приветов прибывшему бросился скорее к Менжинскому, выхватил у него из рук вываливающийся из них чемодан и, зная, как ему вредно таскать тяжести, накинулся на Ленина с упреками. Менжинский улыбался своею милой, мягкой улыбкой. Он растерянно стоял передо мной, осыпаясь моими дружескими укоризнами. Я поторопился усадить его, и первыми словами, обращенными мною к Ленину, были негодующие упреки:

— Как вы могли, Владимир Ильич, позволить ему тащить чемоданище? Ведь посмотрите, человек еле-еле дышит!..

— А что с ним? — весело-равнодушно спросил Ленин. — Разве он болен? А я и не знал... ну, ничего, поправится...

Меня резанул этот равнодушный тон... Так возобновилось наше знакомство, если не считать началом его нашу деловую переписку. Сцена с чемоданом произвела на меня самое тяжелое впечатление. Но Ленин был моим гостем и притом близким товарищем, и я, с трудом подавив в себе раздражение, перешел на мирный тон

приветствий и пр. Когда мы, пообедав, поднялись из-за стола, чтобы идти ко мне — Ленин остановился у меня, в моей единственной комнате, — Менжинский снова схватился было за чемодан Ленина. (По долгу правдивого летописца отмечу, что элемент самопожертвования является отличительной чертой характера Менжинского в его сношениях с близкими людьми. Так, мне вспоминается, как тот же Менжинский в Москве, прибыв из Киева, страдая сильной грыжей, стал перетаскивать свой и своих товарищей багаж, в то время как молодые товарищи спокойно шли налегке. Он поплатился за это болезнью, которая продержала его несколько недель в постели. И он сносил свои страдания без ропота, с присущей ему мягкой улыбкой.) После долгих препирательств с ним я вырвал у него злосчастный чемодан и с шуткой, но настоятельно всучил его Ленину, который покорно и легко понес его.

В моей памяти невольно зарегистрировалась эта черта характера Ленина: он никогда не обращал внимания на страдания других, он их просто не замечал и оставался к ним совершенно равнодушным...

Глава 6

Ленин у меня в гостях. — Некоторые характерные черты Ленина: грубость, резкость со слабыми противниками, личные выпады. — Поклонники Ленина и его враги. — Разговоры с Лениным (1908 г.) на тему о максимализме, о парламентаризме, о советизации, Учредительном собрании и пр. — Его резкое отношение к социалистическим утопиям. — Ленин предостерегает от того, чтобы петь отходную буржуазии и демократии. — Ленин в спорах

Ленин погостил у меня всего 4–5 дней. Как я сказал, он жил это время у меня, в моей комнате.

Мы все это время не расставались с ним и, как оно и понятно, много говорили на всевозможные темы. Доклад, который он прочитал тогда в Брюсселе, ничего особенного собою не представлял. Я не помню точно его темы и могу сказать лишь, что он, как теперь принято говорить, был на тему момента дня.

Это было в 1908 году, когда революционное движение 1905 года было свирепо и, сказал бы я, чисто по-большевистски подавлено Столыпиным¹¹. Само собою, в русском обществе, считая в том

числе и революционеров, как реакция царя значительная подавленность. Люди отходили прочь от революционного движения. Разочарование захватывало все более глубокие слои российских граждан, в результате общественными силами овладели инерция и жажда покоя.

И вот борьбе с этим реакционным настроением и был посвящен доклад Ленина. Он старался вдохнуть в сомневающийся и унывающие веру в то, что революционное движение не умерло, что оно идет своим ходом вперед. Собравшиеся на доклад плохо воспринимали его ободрения, и, сколько помню, доклад не вызвал сколько-нибудь оживленных прений, и мне, председательствующему на этом собрании, пришлось после двух-трех вялых и каких-то вымученных реплик за отсутствием оппонентов закрыть его при удручающем настроении собравшихся.

Отмечу одно обстоятельство, которое, наверное, удивит читателя, не знавшего и не слыжавшего Ленина как оратора на публичных собраниях. Он был очень плохой оратор, без искры таланта: говорил он, хотя всегда плавно и связно и не ища слов, но был тускл, страдал полным отсутствием подъема и не захватывал слушателя. И если, тем не менее, как это было в России и до большевистского переворота и после него, толпы людей слушали его внимательно и поддавали под влияние его речей, то это объяснялось только тем, что он говорил всегда умно, а главное — тем, что он говорил всегда на темы, сами по себе захватывающие его аудиторию. Так, например, выступая еще в период Временного правительства и говоря толпе с балкона Кшесинской¹², он касался жгучих самих по себе для того момента тем: о немедленном мире, о переходе всей земли в руки крестьян, заводов и фабрик, в руки рабочих, необходимости немедленного созыва Учредительного собрания и пр. Естественно, что толпы, состоявшие из крестьян, рабочих, солдат, бежавших с фронтов, и матросов, впитывали в себя его слова с восторгом. Конечно, он был большим демагогом, и его речи на указанные темы и в духе, столь угодном толпе или толпам, вызывали целые бури и ликование, и толпа окружала его непобедимым ореолом.

Нечего и говорить, что Ленин был очень интересным собеседником в небольших собраниях, когда он не стоял на кафедре и не распускал себя, поддаваясь свойственной ему манере резать, прибегая даже к недостойным приемам оскорблений своего про-

тивника: перед вами был умный, с большой эрудицией, широко образованный человек, отличающийся изрядной находчивостью. Правда, при более близком знакомстве с ним вы легко подмечали и его слабые, и, скажу прямо, просто отвратительные стороны.

Прежде всего отталкивала его грубость, смешанная с непроходимым самодовольством, презрением к собеседнику и каким-то нарочитым (не нахожу другого слова) «наплеви́змом» на собеседника, особенно инакомыслящего и не соглашавшегося с ним, и притом на противника слабого, ненаходчивого, небойкого...

Он не стеснялся в споре быть не только дерзким и грубым, но и позволять себе резкие личные выпады по адресу противника, доходя часто даже до форменной ругани. Поэтому, сколько я помню, у Ленина не было близких, закадычных, интимных друзей. У него были товарищи, были поклонники — их была масса, — боготворившие его чуть не по-институтски и все ему прощавшие.

Их кадры состояли из людей, главным образом, духовно и умственно слабых, заражавшихся «ленинским» духом до потери своего собственного лица. Как на яркий пример этого слепого поклонения и восхищения умом Ленина укажу на известную Александру Михайловну Коллонтай¹³, которая вся насквозь была пропитана Лениным, что и дало повод одной известной писательнице зло прозвать ее «Трильби Ленина». Но наряду с такими «без лести преданными» были и многочисленные лица совершенно, как-то органически, не выносившие всего Ленина в целом, до проявления какой-то идиосинкразии к нему. Так, мне вспоминается покойный П. Б. Аксельрод¹⁴, не выносивший Ленина, как лошадь не выносит вида верблюда. Он мне лично в Стокгольме определял свое отвращение к нему. П. Б. Струве¹⁵ в своей статье-рецензии по поводу моих воспоминаний упоминает имя покойной В. И. Засулич, которая питала к Ленину чисто физическое отвращение. Могу упомянуть, что знавшая хорошо Ленина моя покойная сестра В. А. Тихвинская, несмотря на близкие товарищеские отношения с Лениным, относилась к нему с какой-то глубокой внутренней неприязнью. Она часто говорила мне, как ей бывало тяжело, когда Ленин гостил у них (в Киеве), и как ей было трудно сохранять вид гостеприимной хозяйки... Ее муж, известный профессор М. М. Тихвинский¹⁶, старый товарищ Ленина и приятель его, тоже классический большевик (не ленинец), был расстрелян по делу Таганцева...¹⁷

Надо отметить и то, что, как я выше упомянул, Ленин был особенно груб и беспощаден со слабыми противниками: его «наплеви́зм» в самую душу человека был в отношении таких оппонентов особенно нагл и отвратителен. Он мелко наслаждался беспомощностью своего противника и злорадно и демонстративно торжествовал над ним свою победу, если можно так выразиться, «пережевывая» его и «перебрасывая его со щеки на щеку». В нем не было ни внимательного отношения к мнению противника, ни обязательного джентльменства. Кстати, этим же качеством отличается и знаменитый Троцкий...¹⁸ Но сколько-нибудь сильных, не поддающихся ему противников Ленин просто не выносил, был в отношении их злопамятен и крайне мстителен, особенно если такой противник раз «посадил его в калошу»... Он этого никогда не забывал и был мелочно мстителен...

Я остановлюсь несколько на том, что говорил Ленин в ту эпоху, чтобы выявить тогдашние его убеждения и тем предоставить читателю возможность дать очную ставку двум Лениным: Ленину 1908 года и Ленину 1917 года и далее...

Читателю известно, конечно, что революционное движение 1905 года вызвало наружу всевозможные революционные течения, которые все сливались в общем в одно широкое русло борьбы против самодержавия. Между прочим, одним из таких течений был и максимализм. Течение это, создавшееся на моих глазах и против которого все тогдашние партии вели ожесточенную борьбу (и меньшевики, и большевики), объединяло собою главным образом наиболее зеленую русскую молодежь и выражалось в стремлении немедленно же осуществить в жизни социалистическую программу-максимум. Конечно, течение это было совершенно утопично и необоснованно (большевики осуществили эту утопию!..) и выражало собою только молодую горячность и, само собою, глубокое политическое невежество. И я позволю себе заметить, что современный ленинизм, или большевизм, говоря грубо, представляет собою именно этот самый максимализм, доведенный до преступления перед Россией и человечеством вообще...

Я лишь отмечаю это сходство, не останавливаясь на доказательствах и обосновании его, ибо это потребовало бы зря много места и времени... да к тому же ведь и всякому это очевидно.

Конечно, правительство Столыпина свирепо, по-большевистски расправившееся с революцией, обрушилось всей тяжестью на мак-

символистское движение, которое, кстати сказать, в значительной степени сплеталось с вульгарным анархизмом*.

Течение это было подавлено, как и все движение 1905 года, и спасшиеся от тюрем и виселиц бежали за границу. Было несколько таких максималистов-эмигрантов и в Брюсселе в описываемую эпоху. Среди них был один юноша, вышедший из школы до окончания ее, чтобы служить революции, которого я назову просто Саней. Ему было всего 18 лет. Очень неглупый, даже талантливый в некоторых отношениях, он обладал чисто обломовской леностью ума и слабостью характера, что и вело в общем к его глубокому невежеству. Он очень бедствовал за границей, вечно попадая под дурное влияние отбросов эмиграции, шантажировавших и обиравших его и толкавших по слабости его характера на недостойные поступки. Мне пришлось много повозиться с этим юношей, в глубине души хорошим и даже детски честным...

Он часто бывал у меня, заходил и во время пребывания Ленина, которому я как-то охарактеризовал его. Был он очень застенчив, Ленин смущал его своим значением, и он до глупости робел перед ним.

— А, товарищ Саня! — приветствовал его однажды Ленин, когда Саня зашел ко мне. — Ну, как обстоит дело с максимализмом? Скоро вы нам дадите социалистический строй? Да, кстати, и царство небесное на земле? Пора бы, товарищ, пора, а то ведь душа засохла...

Бедный юноша от этого вопроса, что называется, осел. Он был тяжел на слова и свободно говорил только в обществе, где с ним были нежны и теплы. Здесь же он от смущения и покраснел, и побледнел и стал говорить что-то совершенно нечленораздельное. Я пошел ему на выручку и старался за него отшутиться перед Лениным, который, видя перед собой весьма слабого противника, обрушился на него со всем своим обычным арсеналом.

— Я не понимаю людей, — резко нападал он на беспомощного и пришипившегося Саню и, по своему обыкновению, продолжал,

* Видным и талантливым представителем анархо-максимализма был молодой талантливый философ Рысс¹⁹, писавший под псевдонимом Марфа Борецкая. Как известно, он был повешен в Киеве. Отмечу, что Рысс, как он признавался сам, был в сношениях с русской охранкой, но, по его словам, лишь в интересах революции. Я его немного знал (Харьков, 1904–1905 гг.) и помню его как яркого, талантливого человека и увлекательного оратора.

встав из-за стола и начав ходить взад и вперед по комнате: — Совершенно не понимаю, как умный человек — а я, надеюсь, имею честь говорить с таковым — может лелеять мечты, и не только мечты, а и рисковать и работать во имя немедленного интегрального социализма? Какие у вас обоснования? — резко остановившись перед Саней, в упор поставил он свой вопрос. — А?... Но только не разводите мне утопий, — это, мил человек, ни к чему... Ну, я слушаю, с глубоким (подчеркнул он) к вам почтением.

— Да, мы, — медленно, точно выжимая из себя прессом слова, беспомощно мямлил Саня, как ученик на экзамене, бросая на меня умоляющие взгляды, — мы считаем... эээ... согласно Марксу, что конкуренция... концентрация капитала... орудий производства... словом, что настал момент окончательной экспроприации... эээ...

— Ха-ха-ха! — злобно рассмеялся Ленин, заранее торжествуя легкую победу. — Слыхали мы все это, господин мой хороший в сапогах, слыхали, и не раз... Все это праздные измышления «скорбных разумом ньютонов», или, вернее, социалистическая маниловщина с ее мостами, лавками и прочими побрякушками... голая и вредная утопия... Чистейшей воды фурьеризм или «Нью-Гармони» папаши Оуэна...²⁰ Неужели вы не понимаете, что ставка на немедленный социализм не выдерживает даже самой поверхностной критики?! Неужели вы не понимаете, что при современном соотношении общественных сил, при слабом развитии во всем мире, а не то что в нашей заскорузлой Расеематушке, господин мой хороший, а именно и точно при слабом развитии во всем мире капитализма нас отделяют от момента обобществления сотни, если не тысячи лет, но сотни-то во всяком случае... Надо обладать поистине гениальным узколобием, чтобы верить в немедленный социализм... Ха-ха-ха! Где там! Нам вынь да положи вот сию же минуту «Красную звезду» моего друга Александра Александровича... * на меньшее мы не согласны! Никак нет, ни Боже мой, — на меньшее мы не согласны! И зря он написал этот роман, ибо он только окончательно совращает с пути истины всех скорбных главой, имя же им легион, и заставляет

* Речь идет о нашумевшем в свое время романе А. А. Малиновского (Богданова)²¹ «Красная звезда», в котором автор талантливо воспроизводил социалистическую утопию. Роман очень захватил молодежь того времени.

их лелеять, по выражению моего друга «его величества Божьею милостью Николая II»²², несбыточные мечтания...

Он остановился на минуту, подошел к столу, отпил чаю и снова заходил по комнате.

— Да, я говорю, несбыточные мечтания, — продолжал он. — И горе нам было бы, нам и всему миру, если бы каким-нибудь хоботом, какой-нибудь нелепой авантюрой Россия или какой угодно, даже самый цивилизованный по нынешним временам народ был бы ввергнут в социалистический строй в современную нам эпоху! Это явилось бы бедствием, мировым бедствием, от которого человечество не оправилось бы в течение столетий!.. Да, прав Иисус Христос, — что ни говорите, а он — был не дурак, — и вам, милейший, следовало бы помнить, что он говорил: «Блюдите, да не соблазните единого от малых сил...» А что такое народ, толпа?! Это именно те «малые», о которых он говорил!.. Это соблазн — преступление перед всем миром, перед всем человечеством!! Да, именно. И сколько все мы, пишущие, и говорили, и писали, предостерегая от увлечения социалистическими утопиями, сколько мы доказываем, что всякого рода фурьеризмы, прудонизмы и оуэнизмы ведут только в конечном счете к реакции, глубокой, душевной, безысходной реакции, чреватой знаете чем?! — и он вплотную остановился перед несчастным Саней, как бы ожидая от него ответа...

Но тот, точно ошпаренный, упорно молчал. Ленин ждал. Саня, как школьник, не приготовивший урока, не зная, что сказать, стал откашливаться — было жалко на него смотреть.

— Хе, — злорадно снова заговорил Ленин, — эк-хе... Так вот я вам скажу, мой мудрый и почтеннейший Сократ²³, чем это чреватое. Неизбежная в таком случае реакция привела бы к тому, что здоровая сама по себе идея социализма погибла бы, если не совсем, то ее движение было бы застопорено на много десятилетий! Человечество надолго бы было иммунизировано этой предохранительной вакциной социализма и получило бы полнейший отврат к нему... Конечно, в конце концов социализм восторжествует, но эта реакция, повторяю, задержала бы поступательное движение его и столь любезную вашему сердцу, не говорю, уму — об уме не приходится говорить — экспроприацию и обобществление капитала... И мы, убежденные социалисты-диалектики, не можем иначе как с глубокой враждой относиться к максимализму, под каким бы соусом он ни подавался, как к самому реакционному течению...

— А сколько, кстати, вам лет?! — вдруг оборвав сам себя, резко спросил он Саню, и его маленькие глазки засветились хитрым и злым огоньком.

Весь красный и обливаясь потом, несчастный, затюканный Саня, прокашлявшись, каким-то замогильным густым басом ответил:

— Почти девятнадцать...

— Ха-ха-ха! Только-то? А не шестнадцать?!.. Ну да все равно... Пушкина помните? Помните: «Так розгами его!» — сказал Зевс в известном стихотворении... ха-ха-ха²⁴. (Я нарочно так подробно привел эту декларацию Ленина. Она любопытна как антитеза всему современному ленинизму, сталинизму и пр. Она интересна и для сопоставления ее с ответом Ленина мне, когда вскоре после большевистского переворота я, приехав в Петербург, беседовал на эту тему с Лениным. Позволю себе сослаться на это место из моих воспоминаний («Среди красных вождей») и привести наш разговор:

«Скажите мне, Владимир Ильич, как старому товарищу, — сказал я, — что тут делается? Неужели это ставка на социализм, на остров “Утопия”, только в колоссальном размере, — я ничего не понимаю...»

— Никакого острова «Утопии» здесь нет, — резко ответил он тоном очень властным. — Дело идет о создании социалистического государства. Отныне Россия будет первым государством с осуществленным в ней социалистическим строем... А, вы пожимаете плечами! Ну, так вот, удивляйтесь еще больше! Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы проходим к мировой революции...

Я невольно улыбнулся. Он скосил свои узенькие маленькие глаза монгольского типа с горевшим в них злым ироническим огоньком и сказал:

— Вы улыбаетесь! Дескать, все это бесплодные фантазии. Я знаю все, что вы можете сказать, знаю весь арсенал тех трафаретных, избитых, якобы марксистских, а в сущности буржуазно-меньшевистских ненужностей, от которых вы не в силах отойти даже на расстояние куриного носа... Мы забираем и заберем как можно левее!..

Улучив минуту, когда он на миг смолк, точно захлебнувшись своими собственными словами, я поспешил ему возразить:

— Все это очень хорошо. Допустим, что вы дойдете до самого что ни есть левейшего угла... Но вы забываете закон реакции, этот чисто механический закон отдачи. Ведь вы откатитесь по этому закону черт знает куда!..

— И прекрасно! — воскликнул он. — Прекрасно, пусть так, но в таком случае это говорит лишь за то, что надо еще более забирать влево!.. Это вода на мою мельницу...»)

Не помню уж точно как, далее Ленин завел с тем же Саней разговор о парламентаризме. Дело в том, что в своем докладе Ленин говорил по поводу значения социал-демократической думской фракции. И вот, хотя и робко и запинаясь, Саня, при моем содействии (я знал его взгляды и чисто детские рассуждения и обоснования), высказал свой отрицательный взгляд на парламентаризм. Он повторял, как хорошо натасканный попугай, что парламент отжил свое, что он всюду падает как пережиток и является учреждением чисто буржуазным...

— Вот как! — снова сцепился Ленин с ним. — Так что вы считаете, товарищ Саня, что для России парламентский режим тоже пережиток, который можно спокойно выбросить, как яичную скорлупу! Великолепно, я принимаю ваше глубокомысленное решение и всеми мерами приветствую его. Итак, долой парламенты всего мира, вплоть до старейшего из них английского! Долой!.. Ну, а что же вы предлагаете взамен этих отживших учреждений? Ведь вы, конечно, как ортодоксальный максималист, считаете, что и мировая — о российской мы, конечно, и говорить не желаем — буржуазия выполнила свою историческую миссию, а потому долой и ее?.. Так ведь?

— Да, так, — робко проскрипел Саня.

— Правильно, — ехидным тоном сказал Ленин, — принимаю и даже ставлю вопрос шире. Принимаю, что вообще и демократия, и ее режим тоже отжили свое. Принимаю и приветствую глубокие заключения товарища Сани... Да здравствует максимализм, а следовательно, по-максималистски же и немедленная диктатура пролетариата! Так, верно я говорю? Черт с ними и с крестьянами — ведь и они тоже мелкие буржуа, а значит, говорю о России, пусть и они исчезнут также с лица земли, как рудимент... Хорош. Ну а предлагаемый образ правления, раз вы изволите уничтожить парламент? Ну, мудрый Эдип, разреши!!..²⁵

Я не принимал участия в этом неинтересном мне споре, оставляя Саню на произвол судьбы. Я хорошо знал всю нелепость взглядов

Сани, если это можно назвать взглядами, но я с любопытством следил за манерой поведения Ленина. Мне казалось, что совершенно невежественный мальчик Саня просто не стоил тех громов, которыми разразил его Ленин.

— Да, вместо парламента нужны облеченные всей полнотой власти советы, — с трудом выжал из себя Саня трафаретный ответ.

— Ну, вот мы, слава Богу, и договорились! — воскликнул Ленин, как-то провокационно ободряя Саню. — Исполать тебе, детинушка, что умел ответ держать. Но вот еще один вопрос, который нам следует разрешить... Раз вы так блестяще разрешили вопрос указанием на советы, может быть, вы скажете мне, а как же быть... — говорю под углом не всего человечества, а с точки зрения наших российских интересов, нам уж не до всего человечества, где уж тут, дай Бог самих себя устроить... Так вот, как быть с идеей Учредительного собрания, этой старой мечтой российского освободительного движения? Что ж, и ее надо похерить?

— Да, похерить, — вымолвил Саня таким тоном, точно он чувствовал, что тонет и что все равно уж пропадать...

Ленин как-то мелко торжествовал. Его маленькие глазки светились лукавством кошки, готовой сейчас броситься на мышонка, перед которым путь к норе был отрезан. И он накинулся на него, пересыпая свои слова совершенно ненужными оскорбительными личными выпадами... Он крикливо и демагогически (хотя мы были втроем) построенными оборотами начал читать ему целую передовую статью о пользе парламента, о том, что демократии предстоит еще широкое будущее, что класс буржуазии далеко не сказал еще своего последнего слова и не скоро его скажет, что диктатура рабочего класса пока еще химера, что Учредительное собрание есть реальная, глубоко затаенная мечта всего русского народа, без различия классовых и иных перегородок, и что оно является необходимым этапом к установлению того правления, которое будет угодно суверенному, свободному народу.

— Ну, а вы, мой мудрый Эдип, уже решили вопрос об этом правлении! Какого черта созывать Учредительное собрание, когда товарищ Саня сам уже решил все!.. Советы, говорите вы? Великолепно, да здравствуют советы и все вообще идеи господ Троцких, Хрусталевых и иже с ними!.. Слава и вам, товарищ Саня, хотя... ах, «муж многоопытный, губит тебя твоя мудрость»...

Попозже в тот же день, когда Саня уже ушел, я обратился к Ленину с дружеским упреком в самой мягкой форме:

— И охота вам была, Ильич, так зло спорить с Саней, — ведь это еще мальчик, попавший в вихрь революции...

— А черт с ним, — как-то подчеркнуто злобно ответил Ленин, — дураков учить надо, ведь дураков, говорит пословица, и в церкви бьют, пусть он сам на себя пеняет, что я его отшлепал...

— Да Саня вовсе не дурак, — ответил я, — это просто мальчик, очень невежественный, который чисто темпераментно пристал к революции и которому и в силу его юности психологически нужно было пристать к самому левому течению...

— Плевать я хотел на него, — грубо и вульгарно отмахнулся Ленин.

Глава 7

Ленин заботится о нуждающемся товарище. — Его поза

Я не любил Ленина и никогда не состоял в рядах его поклонников. Но долг беспристрастного «летописца» обязывает меня не скрывать того светлого, что мне (правда, «на экране моей памяти» этого светлого сохранилось очень немного) пришлось в нем подметить.

Перед своим докладом Ленин, собираясь вместе со мной идти в «Мэзон дю Пепль» *, в одной из аудиторий которого должно было состояться собрание, вынув свою записную книжку, порывшись в ней, попросил меня познакомить его с одним из эмигрантов, известным под именем «товарищ Митя». Он был наборщиком и жил в Брюсселе с молодой женой и очень нуждался. Как секретарь группы, я располагал спорадически небольшими средствами, из которых, с разрешения бюро группы, оказывал ему посильную помощь.

— Вы не знаете, Георгий Александрович, он очень нуждается? — спросил Ленин.

Я подтвердил и иллюстрировал его нужду.

— Дело в том, — сказал Ленин, — что он писал мне и просил помочь. Я могу в качестве члена Интернационального Бюро

* Дом Народов. — *Ред.*

выхлопотать ему то или иное пособие... Сколько, вы думаете, надо ему выдать?

Я указал как на минимальную сумму пособия на пятьдесят франков: в то время в Бельгии можно было на эту сумму одному человеку прожить полмесяца.

— Что вы, что вы? — сказал Ленин, и во взгляде его я прочитал выражение какой-то теплоты. — Он, видите ли, пишет, что через некоторое время, счастливец, — вздохнул он*, — его жена ждет ребенка... Так что пятьдесят будет маловато, а? Как вы думаете?

Тогда я удвоил сумму пособия. Но Ленин, согласившись со мной, просил меня уведомить его, когда наступит минута родов, чтобы устроить Мите еще одно пособие, что я, конечно, и исполнил.

В «Мэзон дю Пепль» мы пошли с ним к Гюйсману, секретарю Интернационального Бюро, и Ленин попросил его выдать сто франков для Мити. Отмечу, что, когда Митя, пораженный таким крупным пособием (по современному индексу это составляло не менее тысячи франков), благодарил Ленина, тот страшно сконфузился и стал валить «вину» на меня.

Весть о крупном пособии быстро распространилась по эмиграции, и к Ленину с аналогичными просьбами обратились еще два-три товарища, и он по совещании со мной как секретарем выхлопотал и для них, правда, небольшие пособия.

Может быть, мы все мало знали Ленина и, имея с ним общение исключительно деловое, не обращали внимания на эти черты его характера? Может быть, в нем тлели и обыкновенные чувства?... Так хотелось бы верить!.. Напомню об его отношении к матери...

Но раз я коснулся этой стороны, не могу не сопоставить с этим его отношение к посторонним, неизвестным ему товарищам, его отношение к Менжинскому, его старому товарищу и другу, о чем я выше уже говорил. В течение этого пребывания Ленина у меня несколько раз говорил ему о тяжелом положении Менжинского, человека крайне застенчивого, который сам лично предпочел бы умереть (я его застал умирающим от своей болезни, в крайней бедности, но он никому не говорил о своем положении), но ни за что не обратился бы к своим друзьям или товарищам. Но Ленин отно-

* Ленин, как и его жена, Надежда Константиновна, очень, но тщетно хотели иметь ребенка.

сился к моим указаниям совершенно равнодушно и даже жестко-холодно. Он ничего не сделал для него...

Описанный выше случай, когда Ленин обнаружил такую растрогавшую меня чисто товарищескую теплоту, был единственный, по крайней мере из известных мне. Возможно, что именно потому так врезалось мне в память и так меня растрогало, что это было так непохоже на Ленина, было так необычно для него и напоминало какое-то чудо вроде летающей собаки. И рядом с этим встает воспоминание об его грубом отношении к близкому ему товарищу Менжинскому. И невольно копошится подозрительное сомнение: да не было ли это его теплое, внимательное отношение к мало знакомому ему Мите, притом рабочему, лишь демагогическим жестом, позой для привлечения сердец?

Глава 8

*«Отзовизм» и мой спор с Лениным. —
Тяжелая сцена грубостей, и я осаживаю Ленина. —
Предложение дискуссии об «отзовизме». —
В нас обоих закрадывается взаимная неприязнь*

В это же пребывание Ленина у меня между нами произошло резкое столкновение с ним на почве принципиальной, о котором я вскользь говорю в моих, уже упомянутых, воспоминаниях «Среди красных вождей» и которое по мелочному и, скажу без обиняков, чисто обывательски-мещанскому злопамятству «великого» Ленина отразилось на его отрицательном, чтобы не сказать — нарочито враждебном отношении ко мне, когда он был всесильным диктатором и стал распоряжаться судьбами России. Он сводил тогда свои счета со мною...

Расскажу подробнее об этом столкновении, так как в нем очень ярко выразился злобный характер Ленина.

Незадолго до доклада Ленина в Брюсселе же читал доклад и приблизительно на ту же тему покойный Юлий Осипович Мартов. В то время Ленин уже резко разошелся с ним, порвал личные сношения. В своем докладе Мартов, говоря о значении нахождения в Государственной думе социал-демократической фракции, обуславливал важность ее тем, что она увеличивает численно думскую оппозицию и может присоединять свои подписи к тем

или иным петициям, подаваемым Государственной думой на высочайшее имя. Конечно, это была совершенно нереволюционная точка зрения, а чисто обывательски-либеральная.

И вот как-то вечером между Лениным и мною произошла беседа на эту тему. Ленин озлобленно ругал Мартова. Было уже за полночь, когда мы начали этот разговор, и мы оба раздевались для сна. Я и лег. А Ленин, начав разговор, по своему обыкновению, стал ходить по комнате в одном белье. Я, конечно, не разделял точки зрения покойного Мартова и особенно ее мотивировки.

Необходимо отметить, что в то время среди особенно большевистского крыла нашей партии возникло довольно резко и широко выразившееся течение за то, чтобы дезавуировать товарищей, входивших в думскую фракцию. Течение это, прозванное в партии «отзовизмом», заразило и наиболее радикально настроенных товарищей-меньшевиков. «Отзовисты», к которым примыкал и я, так мотивировали свое требование об отозвании перед ЦК партии.

Думская фракция, указывали они, при своем количественном ничтожестве — если память мне не изменяет, она состояла всего не то из 11, не то из 17 человек — была и качественно очень слаба. Поэтому, не пользуясь по своей малочисленности никаким влиянием на ход парламентских дел и занятий, это левое крыло думской оппозиции, лишенное возможности осуществлять партийные задачи, могло играть в интересах рабочего движения лишь одну существенную роль, резко и определенно высказывая с думской трибуны требования и идеи рабочего движения, не пропуская для этого ни одного подходящего или удобного случая. Но слабая и по своему личному составу фракция своими выступлениями производила самое жалкое впечатление, часто смехотворное. Лица, входившие в нее, не исключая и лидера фракции, покойного Чхеидзе²⁶, очень хорошего человека и честного, но ничем не напоминавшего собою народного трибуна, были люди робкие и совершенно незначительные как по характеру (отсутствие гражданского мужества, столь необходимого для воинствующей оппозиции), так и умственному убожеству и отсутствию необходимой эрудиции. А потому фракция нередко впадала в глубокие противоречия с основоположениями платформы партии. Упомяну о Петровском²⁷, который теперь является председателем Украинского Совнаркома, по принципу: на безлюдье и Фома человек. Он демонстрировал

свое полное ничтожество во время процесса, инсценированного царским правительством, по обвинению фракции в государственных преступлениях. Мне лично передавали о той приниженной роли, которую играл этот «трибун» на суде. — Г. С.).

ЦК партии употреблял все свое влияние на фракцию, носясь с ней, как нянька, и ведя с нею определенно исправительную борьбу. Он обращался к ней с выговорами, замечаниями, требовал подчинения, давал ей указания и директивы по поводу обязательных выступлений с трибуны, подготовлял ее к этим выступлениям, давая ей не только необходимые материалы, но даже составлял целые речи, которые члены фракции должны были произносить с думской трибуны. Напоминал о партийной дисциплине... Но фракция оставалась верна себе и, продолжая проваливать и компрометировать рабочее движение, в то же время заявляла ЦК о своем полном подчинении и хваталась за свои высокие парламентские полномочия, дорожа своей депутатской неприкосновенностью. К тому же эти полные ничтожества обладали, как и все ничтожества, неукротимым самолюбием...

И вот в описываемое время в партийных кругах началось сперва глухое, но постепенно все нараставшее проявление негодования, отлившегося в конце концов в довольно широкое внутривнутрипартийное движение за то, чтобы отозвать фракцию, то есть дезавуировать ее. Повторяю, в этом движении приняли участие не только большевистские круги партии, но в нем участвовало немало и меньшевиков, наиболее последовательных и прямолинейных.

Характерно то, что, как это и ни странно, Ленин относился очень терпимо к этим «маленьким недочетам», как он их называл, фракции и категорически высказывался против дезавуирования и вообще крутых мер... И вот мне пришлось в указанный вечер схватиться с ним в горячем споре по этому вопросу...

Я стал спокойно, чисто деловым тоном, тщательно аргументируя каждое отрицательное положение, нападать на думскую фракцию и ЦК, упрекая первую в указанном выше непозволительном поведении, в самом наглom нарушении партийной дисциплины, а ЦК партии — в слабости и явном потворстве. По своему обыкновению, Ленин спорил не просто горячо и резко, но запальчиво и с нескрываемым раздражением.

— Никакого тут потворства и слабости со стороны ЦК нет, — говорил он, — а есть просто стремление сохранить нашу

парламентскую фракцию, что выгодно партии, возглавляющей и выражающей революционные интересы пролетариата. И всякий, у кого мозги не заволокло туманом, должен это хорошо понимать.

— Великолепно, — игнорируя его последний личный выпад, сказал я, — но ведь эта, с позволения сказать, наша парламентская фракция не умеет, не способна использовать трибуну, это единственное «окно в Европу», и, вместо того чтобы говорить в него всему миру о требованиях рабочего класса и вообще народа, лепечет какой-то жалкий и трусливый вздор, который только возмущает истинных представителей рабочего класса, как наших, так и западноевропейских. Вот в этом-то и зарыта собака.

— Это неверно! — резко закричав, оборвал меня Ленин. — Люди делают, что могут и умеют. И это очень важно! Как вы этого не понимаете?!

— Я очень хорошо понимаю то, что вы говорите, — сказал я, — но в том-то и беда, что люди эти очень мало могут и ничего почти не умеют, почему им и не место представлять партию в парламенте.

— А, вот что! — возразил Ленин. — Значит, надо их отозвать. Очень остроумное решение, делающее честь глубокомысленности и политической мудрости его авторов!..

А я вам скажу, господин мой хороший и сеньор мой сиятельный, что «отзовизм» — это не ошибка, а преступление. Все в России спит, все замерло в каком-то обломовском сне. Столыпин все удушил, реакция идет все глубже и глубже... И вот, цитируя слова М. К. Цебриковой²⁸, — надеюсь, это имя вам известно, мой многоуважаемый, — напомним вам, что «когда мутная волна реакции готова захлестнуть и поглотить все живое, тогда стоящие на передовых позициях должны во весь голос крикнуть всем падающим духом: «Держись!» Это ясно всякому, у кого не зашел еще ум за разум...

— Вот именно, — ответил я, все еще пропуская мимо ушей грубости и личные выпады против меня, — «крикнуть и кричать, не уставая, во весь голос “держись”! К сожалению, наши-то, которых вы называете «передовыми», не умеют и не хотят крикнуть... Голоса их — вспоминаю «Стену» Леонида Андреева²⁹ — это голоса прокаженных: они сипят и хрипят и вместо мужественного крика и призыва издают ряд каких-то неясных, робких шепотов

и бормотаний, над которыми наши противники только смеются! И я считаю, что нам выгоднее в интересах нашего дела оставаться в Думе без фракции, чем иметь...

— Как?! По-вашему, лучше оставаться в Думе без наших представителей?! — с возмущением прервал меня Ленин. — Ну, так могут думать только политические кретины и идиоты мысли, вообще скорбные главой и самые оголтелые реакционеры...

Эти грубые и в сущности плоские личные выпады, наконец, мне надоели. Я долго не обращал, или, вернее, старался не обращать, на них внимания, понимая, что они являются следствием сознания беспомощности той позиции, которую он защищал. Я привожу наш разговор в сжатом виде, чтобы дать читателю лишь понятие о манере Ленина спорить. На самом деле он просто ругался и сыпал на мою голову выражения «дубовые головы», «умственные недоноски», «митрофаны», — словом, аргументировал целым набором оскорбительных выражений. Я никогда не любил споров из-за споров и органически не выношу, когда спор превращается в личную распрю и взаимные оскорбления: для меня спор тогда теряет всякий интерес, и мне становится просто непроходимо скучно. Так было и на этот раз.

— Ну, Владимир Ильич, вы бы брали легче на поворотах, — внешне спокойно, но внушительным тоном сказал я. — Ведь если и я применю вашу манеру оппонировать, так, следуя ей, и я могу «обложить» вас всякими ругательствами, благо русский язык очень богат ими, и тогда получится просто рыночная сцена... Но я помню, что, к сожалению, вы мой гость...

Надо отдать справедливость, мой отпор подействовал на Ленина. Он вскочил, стал хлопать меня по плечам, полуобнимая, хихикая и все время повторяя «дорогой мой» и уверяя меня, что, увлеченный спором, самой темой его, забылся и что эти выражения ни в коей мере не должно принимать как желание меня оскорбить...

Тем не менее спор наш прекратился. Я предложил Ленину, состоявшему в то время членом ЦК и редактором нашего фракционного (большевиков) органа «Пролетарий», открыть на страницах его дискуссии на эту тему, сказав, что я немедленно же напишу соответствующую статью с изложением моего взгляда... Он согласился, по-видимому, охотно, но, как дальнейшее покажет, совершенно неискренно.

Скосив свои узенькие татарские глазки в сторону, он ответил, что единолично вполне приветствует мое предложение, он не может ответить от имени журнала, так как де «Пролетарий» ведется редакционной коллегией из пяти лиц, но что он лично будет поддерживать мою идею о дискуссии и настоит на помещении моей статьи...

Глава 9

*Ленин характеризует разных известных лиц. —
Ленин об Ю. О. Мартове. — Ленин об А. Луначарском. —
Ленин о М. Горьком. — Ленин о Троцком. —
Ленин о В. И. Засулич. — Ленин о Литвинове. —
Тифлисская экспроприация. — Литвинов и Мартов;
они не сошлись, и что из-за этого произошло. —
Ленин о Вересаеве. — Ленин о Воровском. —
Ленин о Г. А. Алексинском*

Я заканчиваю описание этого первого приезда Ленина в Брюссель. И в заключение считаю небесполезным для характеристики Ленина привести его отзывы о разных более или менее известных деятелях, сделанные им в это его посещение меня в Брюсселе.

Я выше говорил, что незадолго до его приезда в Брюсселе же читал доклад покойный Юлий Осипович Мартов. И вот, говоря о нем, Ленин с обычными своими ужимками и лукавым видом сказал мне:

— Хотя Ю. О., как известно, мой большой друг... вернее, бывший друг, но, к сожалению, он великий талмудист мысли, и что к чему — это ему не дано...

О недавно смещенном с поста наркомпроса А. В. Луначарском³⁰, который незадолго до него тоже читал доклад в Брюсселе на зыбкую тему романа Арцыбашева³¹ «Санин», он говорил не только зло, но и с нескрываемым омерзением, ибо, насколько я знаю, в известных отношениях Ленин был очень чистый человек, с искренней гадливостью относившийся ко всякого рода эксцессам, как пьянство, половая распущенность и пр.

В свой приезд Луначарский тоже гостил у меня и тоже пробыл три-четыре дня. Я хорошо знал его покойного брата, доктора Платона Васильевича, моего товарища по работе (революционной) в Москве и арестованного так же, как и я, 1 марта 1901 года. Естественно

поэтому, что я встретил Анатолия Луначарского очень приветливо. Но уже после весьма кратковременного знакомства с ним я раскусил его и понял, что это был хотя внешне и блестящий человек, но совершенно пустой малый и морально очень неразборчивый... Он жил тогда на острове Капри под сенью Горького³², о котором он говорил с самым пошлым подобострастием, так же как и об его жене. Он усиленно уговаривал и меня переехать на Капри, причем все время говорил в таком духе, что вот он вернется на Капри, поведается с Горьким и «главное с Марией Федоровной» и поговорит с ними обо мне и уверен, что они согласятся приютить и меня. Все это говорилось тоном какого-то приживалы... Я просил его весьма определенно не хлопотать, говорил, что с отвращением вспоминаю о Горьком и об его жене...

Но, тем не менее, вскоре после его отъезда я получил от него письмо, в котором он сообщал, что очень хлопотал обо мне перед Горьким и в конце концов добился и от Горького, а «главное от Марии Федоровны» согласия на то, чтобы я приехал к ним на Капри, и что меня у Горьких на их вилле ждет прекрасная комната и пр.

Конечно, я поспешил ответить ему, что, как я говорил ему при свидании, я не хочу и не могу согласиться на это приглашение и вступить в ряды того хора паразитов, который окружает «великого Горького».

В Брюсселе Луначарский отметился гомерическим пьянством. Так, помню, после одного угощения (пьянство и пр.), данного ему поклонниками, мне пришлось в четыре часа утра увозить его к себе домой грязного, пьяного, скверно ругавшегося и все время лезшего в драку, бывшего посуду...

Я рассказал об его брюссельских подвигах Ленину, показал ему письмо Луначарского ко мне с выражением «согласия» Горьких на мой приезд на Капри, и Ленин тут-то и сделал самую беспощадную характеристику своему будущему коллеге по Совнаркому, будущему «министру народного просвещения».

— Это, знаете, настоящий фигляр, не имеющий ничего общего с покойным братом Платоном. По своим убеждениям и литературно-художественным вкусам он мог бы сказать устами Репетилова*: «Да, водевиль есть нечто, а прочее все гниль...» Да и в политике он типичный Репетилов: «Шумим, братец, шумим!» Не так давно его

* Персонаж комедии «Горе от ума» А. Грибоедова. — *Ред.*

укусила муха богоискательства, конечно, так же фиглярно, как весь он фиглярен, то есть просто стал в новую позу. Но, знаете, как тонко посмеялся над ним по этому поводу Плеханов... Это было во время партийного съезда... * Плеханов в кулуарах, конечно, вдруг подходит к нему какими-то кротко-монашескими мелкими шажками, останавливается около него, крестится на него и тоненьким дискантом пропел ему: «Святой отче Анатолий, моли Бога о нас!»...

Скажу прямо — это совершенно грязный тип, кутила и выпивоха, и развратник, на Бога поглядывает, а по земле пошаривает, моральный альфонс, а впрочем, черт его знает, может быть, не только моральный... Подделался к Горькому, поет ему самые пошлые дифирамбы, а того ведь хлебом не корми, лишь пой ему славословие... ну и живет у них на Капри и на их счет... (Несмотря на такое мнение о нем, Ленин назначил его руководителем образования и воспитания русского юношества!)

И тут же, придравшись к этому случаю, Ленин посвятил несколько слов и «великому Горькому».

— Это, доложу я вам, тоже птица... Очень себе на уме, любит деньгу. Ловко сумел воспользоваться добрым Короленкой³³ и другими, благодаря им взобрался на литературный Олимп, на котором и кочевряжится и с высоты которого ругает направо и налево и грубо оплевывает всех и вся... И, подобно Анатолию Луначарскому, которого он пригрел и возложил на лоно, тоже великий фигляр и фарисей, по русской поговорке: «Спереди благ муж, а сзади всякую шаташеся»... Впрочем, человек он полезный, ибо, правда, из тщеславия, дает деньги на революцию и считает себя так же, как и Шаляпин, «преужаснейшим» большевиком...

— А знаете вы его жену, Андрееву? — перебив сам себя, спросил он вдруг меня и на мой утвердительный ответ сказал: — Знаете, у Горького есть один рассказ, где какой-то из его героев, говоря своему товарищу о лешем, так характеризует его: «Леший, вишь, вон он какой — одна тебе ноздря...» — «Как ноздря?» — спрашивает удивленный собеседник.

«Да так... просто ноздря и больше ничего, — вот он каков, леший-то...» Так вот Мария Федоровна похожа именно на горьковского лешего, ха-ха-ха! — и Ленин весело расхохотался, довольный своим, по-моему, действительно метким сравнением.

* РСДРП, V (Лондонского) в 1907 г. — *Ред.*

Очень зло отзывался Ленин и о Троцком, который в те времена мирно прозябал среди меньшевиков, все время — это уже у него было от молодых ногтей — крикливо позируя и фиглярничая. Характеристика, сделанная Лениным, была не только зла, но и глубоко верна. Мне она вспоминалась впоследствии, уже в Москве, когда «маршал» Троцкий стал во главе Красной армии и одерживал одну за другой победы, выступая с крикливыми речами «а-ля Наполеон», причем за спиной его стоял не кто иной, как Сталин³⁴, в качестве политического комиссара (не называясь официально им), неумный, но напористый и, по отзывам всех, лично знающих его, до самозабвения решительный и отважный человек.

— Чтобы охарактеризовать вам Троцкого, — говорил Ленин, хитро щуря свои глазки с выражением непередаваемого злого лукавства, — я вам расскажу один еврейский анекдот... Богатая еврейка рождает. Богатство сделало ее томной дамой, она кое-как лопочет по-французски. Ну, само собой, для родов приглашен самый знаменитый врач. Роженица лежит и по временам, томно закатывая глаза, стонет, но на французский манер: «О, мон Дье!» * Муж ее сидит с доктором в соседней комнате и при каждом стоне тревожно говорит доктору: «Ради Бога, доктор, идите к ней, она так мучается...» Но врач курит сигару и успокаивает, говоря, что он знает, когда он должен вмешаться в дело природы... Это тянется долго. Вдруг из спальни доносится: «Ой, вай мир, гевальт!» ** Тогда доктор, сказав «ну, теперь пора», направился в спальную... Вот вспомните мои слова, что как революционер Троцкий — страшный трус, и мне так и кажется, что в решительную минуту его прорвет и он заорет на своем языке «гевальт»...

Мне особенно вспомнилось это пророчество, когда при приближении к Петербургу армии Юденича³⁵ *** Ленин командировал в Петербург покойного Красина, ибо растерявшийся Троцкий (и Зиновьев с ним) обратился к жителям Петербурга с воззванием, рекомендуя им защищаться (это против регулярной и технически хорошо оборудованной армии!) постройкой баррикад. Тогда же один товарищ, имени которого я не назову, сказал мне по поводу этой растерянности Троцкого, что «у него шея чешется от страха перед белыми».

* О, мой Бог! (фр.) — Ред.

** Боже мой! (нем.) — Ред.

*** В 1919 г. — Ред.

О Плеханове Ленин говорил с известным, хотя и недобрым почтением:

— Он, знаете, склизкий и ершистый — так, голыми руками его не возьмешь. Но крупная личность с громадным значением в истории рабочего движения, настоящий апостол русского марксистского социализма, впрочем, с сильным креном в сторону буржуазии...

О покойной В. И. Засулич³⁶ он отозвался так:

— Есть такая детская песенка, точно написанная на Веру Ивановну:

Жила-была старица
В тишине под дубом,
Пошла в баню париться, —
Братья, возликуем!
И как баба умная
Взяла пук мочала.
Песня эта длинная, —
Начинай сначала!

И опять повторяется то же самое, как в песне «у попа была собака». Вот вам и вся Вера Ивановна...

Признаюсь, я и тогда, так же как и сейчас, не понимаю, в чем соль этой нелепой характеристики. Одно несомненно, что в нее было вложено, на мой взгляд, много какой-то бессильной и беззубой злобы, причина которой мне неясна... Я знаю, что когда-то давно В. И. Засулич встретила молодого тогда еще Ленина, ставшего в ряды эмиграции, с отменным участием и теплотой, о чем мне говорил кто-то из членов семьи Ульяновых с восторгом...

Очень зло Ленин отзывался и о Литвинове³⁷, ныне благополучно добившемся поста наркоминдела. Незадолго до своего приезда в Брюссель Ленин направил ко мне Литвинова с особой рекомендацией, в которой он просил меня принять Литвинова как одного из выдающихся товарищей, гонимого и международной полицией, и меньшевиками. Литвинов был в то время герой, имя которого довольно долго не сходило со страниц мировой печати. Я напомним вкратце его историю.

В 1907 году (а может быть, и в 1906 году) в Тифлисе состоялась крупная экспроприация: на артельщиков, везших 200000 рублей, напали кавказские революционеры и отобрали эти деньги, причем все дело обошлось без пролития крови. Я не буду приводить

имен, замешанных в этом старом деле, ставшем уже достоянием истории. Революционеры, вступившие в 1905 году в открытый бой с царским правительством, смотрели на это дело как на один из актов военных действий.

В нем принимал участие и такой известный революционер, человек незапятнанной честности, как Камо³⁸ *, армянин, почти легендарный герой, недавно погибший на Кавказе во время несчастья с мотоциклетом **. И вся захваченная при этом «эксе» сумма (состоявшая из билетов пятисотрублевого достоинства) была передана партии, или, вернее сказать, большевикам. Все участники этой экспроприации остались неуловимыми. Русская полиция рвала и метала и, конечно, приняла все меры к тому, чтобы арестовать тех, кто попытался бы разменять эти пятисотрублевки, номера которых были известны полиции.

И вот, кажется, в 1907-м или 1908 году в Париже был арестован Литвинов, причем прокуратура инкриминировала ему попытку разменять эти билеты и его участие в экспроприации. Он просидел в тюрьме всего около двух недель, все время подвергаясь допросам, но в конце концов был освобожден за отсутствием улик. Но, кроме властей, на него нападали особенно энергично охранявшие чистоту своих риз меньшевики в своем журнале «Социал-демократ».

Вскоре Ленин направил его в Англию через Бельгию, где он пробыл, тоже гостя у меня, несколько дней.

И, рассказывая мне об этой истории, он сообщил мне нечто, относящееся к «белым ризам» Мартова, что я оставляю всецело на его совести.

Меньшевики встретили его в Париже прямо в штыки, но Ю.О. Мартов обещал молчать и не поднимать шума, если он поделится с ними частью экспроприированных денег, причем Мартов требовал для своей группы (меньшевиков) 15000 рублей. Литвинов соглашался дать только 5000 рублей, торгуясь дальше, соглашался,

* Личность эта по своим похождениям почти легендарная. Известно, как он, арестованный в Берлине, чтобы его не выдали русской полиции, добивавшейся этого два года, находясь в тюрьме, притворялся сумасшедшим: он все время идиотски смеялся, приручил пойманного им воробья, не расставаясь с ним даже во время допросов, в комиссии для освидетельствования его умственных способностей танцевал и прыгал, как дурачок, ел всяких насекомых, и таким образом он добился того, что его не выдали.

** Попал под машину, но не на Кавказе, а в Москве в 1922 г. — *Ред.*

понемногу добавляя, дать 7000 рублей. Здесь он уперся, и «сделка» не состоялась. Тогда Мартов открыл против Литвинова свирепую атаку, в чем можно убедиться, прочтя соответствующие номера «Социал-демократа» той эпохи. Мне лично вспоминается одна особенно недостойная статья Мартова, в которой он, не стесняясь выдавать революционные, весьма конспиративные, псевдонимы Литвинова и обрушиваясь на него, писал об этом деле... На меня лично это выступление Мартова, с которым я находился в самых хороших товарищеских отношениях, произвело столь отвратительное впечатление, что при встрече с ним в Петербурге года два спустя в литературном обществе, когда он подошел ко мне с протянутой для пожатия рукой, я не поздоровался с ним, не пожал ему руки, в упор глядя ему в глаза, сказав только одно слово — «Литвинов»... И с тех пор мы не кланялись друг с другом.

В разговоре со мной Ленин коснулся и этого дела. Я отдавал дань стойкости и выдержанности Литвинова и его самопожертвованию. Ленин, однако, все время саркастически морщился.

— Да, конечно, вы правы... и стойкость, и выдержка, — сказал он. — Но, знаете ли, ведь это все качества хорошего спекулянта и игрока, — они ведь тоже подчас идут на самопожертвование, это все качества умного и ловкого еврея-коробейника, но никак не крупного биржевого дельца. И в его преданность революции я и на грош не верю и просто считаю его прожженной бестией, но действительно артистом в этих делах, хотя и мелким до глупости... Ну, подумайте сами, как можно было не сойтись с Мартовым? Ведь это глупо и мелочно, набавил бы еще три тысячи, и они сошлись бы... А теперь вот в «Социал-демократе» идет истерика, визг и гвалт... И я вам скажу просто и откровенно: из Литвинова никогда не выйдет крупного деятеля — он будет гоняться за миллионами, но по дороге застрянет из-за двугривенного. И он готов всякого продать. Одним словом, — вдруг с бесконечным раздражением закончил он, — это мелкая тварь, ну и черт с ним!..

Вообще в этот приезд мы много говорили с Лениным о разных общественных деятелях. Узнав о моей близости с В. В. Вересаевым³⁹ и всей его семьей, он очень зло, не в бровь, а в глаз охарактеризовал его как литератора:

— Он просто представляет собою нечто среднее между публицистом и беллетристом или нечто, ни два ни полтора, а по меткой сибирской поговорке — просто «никто»...

Уничтожающую характеристику сделал он и об известном впоследствии советском сановнике В. В. Воровском⁴⁰, писавшем в социалистической печати под псевдонимом «Орловский».

— Это типичный Молчалин*, переложенный на революционные нравы, но с польскими чертами какого-то не то Пшексюцюльского, не то Кшепсюцюльского... Его девизом может служить: «В мои годы могут ли сметь свое суждение иметь», а впрочем, «падам до ног, аллеж стою, целую реинчки, аллеж свои», и всегда он готов при случае «дать в морду», если к этому представляется безопасная возможность. А кроме того, я думаю, он и на руку нечист, и просто стопроцентный карьерист...

Об известном Г. А. Алексинском⁴¹, бывшем ярком члене II Государственной думы, тоже незадолго до того приезжавшем в Брюссель с докладом о романе «Красная звезда», Ленин отозвался так:

— Яркий, Божией милостью, оратор, но самый настоящий пустоцвет и сума переметная и когда-нибудь должен застрять между двух стульев.

Заканчивая эту главу, в которой я привожу мнения Ленина о разных лицах, вновь вспоминаю, что он несколько раз говорил о своей матери, и, всегда резкий и какой-то злой, он поразительно для всех знавших его как-то весь смягчался, глаза его приобретали какое-то сосредоточенное выражение, в котором было и много теплой, не от мира сего, ласки, и просто обожания, и когда он характеризовал ее словом «святая», это нисколько не напоминало французского *oh, ma mere, c'est une sainte*⁴²!

Глава 10

Конец дискуссии об «отзовизме». — Второй приезд Ленина в Брюссель. — Заседание Бюро II Интернационала. — Ленин уезжает, и наше прощание

Немедленно же после отъезда Ленина я написал обещанную статью для открытия дискуссии и послал ее Ленину. И тут началась нелепая игра в прятки. Ленин ответил мне, что получил мою статью, прочитал ее лично «с удовольствием» и что на днях даст окончательный ответ, что лично он и Надежда Константиновна,

* Персонаж комедии «Горе от ума» А. Грибоедова. — *Ред.*

тоже член редакционной коллегии, согласны с необходимостью открыть дискуссию по этому вопросу и приветствуют мою статью как начало ее. Но что в данный момент три члена редакционной коллегии отсутствуют, и, пока они не возвратятся, он не может дать мне решительного ответа... Скажу кратко: переписка по этому делу тянулась около двух месяцев... Мне вскоре стало ясно, что Ленин хитрит и хочет похоронить вопрос...

Затем я получил от Ленина письмо, в котором он писал, что «на днях» будет в Брюсселе по дороге в Лондон, куда он едет месяца на два, чтобы поработать в Британском музее, и просит меня подождать, пока он со мной лично и поговорит о дискуссии, так как де переписываться обо всем трудно... Я ждал. Наконец я получил от него письмо, в котором он спрашивал, может ли он остановиться у меня дня на два-три. Он сообщал, что приглашен в Брюссель на заседание Интернационального бюро, после чего уедет в Лондон. Конечно, я ответил приглашением. Вскоре он приехал. Когда он немного отдохнул с дороги, я спросил его, как обстоит дело с дискуссией? Глаза его забегали, и он стал нести в ответ какой-то дипломатический вздор, топчась на одном месте.

— Великолепно, — сказал я, — все это очень интересно, но я прошу вас сказать мне просто: да или нет.

— Да поверьте, Георгий Александрович, — сказал он, — что и я, и Надежда Константиновна очень настаивали на дискуссии и на принятии вашей статьи, где вопрос о ней поставлен с исчерпывающей полнотой. Но, как вы знаете, редакция коллективная, состоит из пяти человек. Ну и вот жена и я — оба мы остались в меньшинстве.

И хотя это тайна совещательной камеры, но вам я открою, что большинство высказалось вообще против всякого рода дискуссий в нашей фракции*, находя, что это ведет к дразгам и смутам и, кроме того, способствует созданию условий, благоприятных для демагогических выступлений, да и свидетельствует, что в партии нет необходимого единства и дисциплины...

Я возражал против его опасений демагогии и его аракчеевских приемов для сохранения видимого единства мнений и взглядов в партии. Он оппонировал резко, но уже не прибегая к личным

* И сейчас ведь большевики «во имя цельности» партии преследуют всякое проявление: свободы мнений и убеждений.

выпадам, приводя в защиту своего мнения явный вздор, произнося реплики, мягко выражаясь, чисто диктаторским тоном.

— Нет, господа хорошие, — забываясь постепенно, продолжал он, упустив из вида, что я был один его оппонент, — коллегия, руководящая партийным органом, стоит на страже партийной дисциплины, она охраняет единство партии от всяких поползновений продемонстрировать какой-то разброд... И мы не потерпим никаких вылазок, от кого бы они ни исходили против ее цельности! Так и знайте, не потерпим!..

Я молчал, пораженный этой наглостью, всей нелепостью его диктаторского поведения... Да и что было возражать? Я только смотрел ему прямо в глаза, выражение которых становилось, по мере того как он говорил, все более наглым и злым. По-видимому, он понимал, что раскрывает карты и обнаруживает истинную подоплеку взглядов верхушки партии на мнение отдельных членов ее. И, понимая это, он, по закону психологического контраста, все больше и больше взвинчивая себя этим бьющим в глаза противоречием, перешел опять в недопустимо грубый тон, вымещая злобу на занятую им морально слабую позицию на мне же.

— Что же вы все молчите, почему не возражаете мне? — резко напустился он вдруг на меня.

— Да что ж тут говорить? — отвечал я. — Я слушаю, ведь «умные вещи приятно и слушать»...

— А вы торжествуете, вы думаете, что вот наконец-то вам ясна закулисная сторона в наших стремлениях сохранить единство партии, ее цельность и проводить в ней железную дисциплину!.. Ну, мне плевать на вашу сардоническую улыбку и прочее, просто наплевать...

— Вот что, Владимир Ильич, — не выдержал я наконец, — я прошу вас замолчать, я не хочу больше разговаривать с вами... Мне это скучно и надоело, и вообще будем считать вопрос о дискуссии конченным. Я удовлетворен и притом вполне всеми вашими пояснениями, теперь мне все ясно... Точка, и довольно!

— Да, но я не удовлетворен, — запальчиво бросил он, — мне хочется знать, мне нужно знать, — подчеркнул он «мне», — что скрывается в этом вашем саркастическом «удовлетворен и притом вполне», и вы должны мне это пояснить, слышите! И вообще меня раздражает ваш дипломатический, или, вернее, парламентский, тон!.. Говорите же, ругайтесь, возражайте!..

— Я сказал «довольно», — ответил я, — и вы более слова от меня не услышите по этому поводу. Мне это надоело, и вновь

повторяю: мне теперь ясна ваша роль и ваша политика — от квалификации я воздерживаюсь... И давайте беседовать на другие темы...

Он угрюмо и с озлобленным видом замолчал.

Но в течение этого второго пребывания у меня он попытался еще несколько раз вызвать меня на продолжение этого разговора, но я каждый раз вежливо, но решительно, холодным тоном отклонял эти попытки.

Ленин потащил меня с собой на заседание Бюро II Интернационала. Кое-кого из членов его я знал. Помню, между прочим, что тут же Ленин познакомил меня с Карлом Каутским⁴³. В отношении русского революционного движения Каутский, как и многие другие западноевропейские социалисты (например, Дебрукер), стоял тогда на большевистской позиции, принимая тактику большевиков как единственно правильную, ибо она гарантирует наибольшую необходимую конспиративность и активность.

Однако, помню, Ленин был чем-то раздражен в отношении Каутского и, говоря со мной о нем грубо и зло, назвал его «старым грибом»...

Затем Ленин уехал в Англию. В наших отношениях эта история с «отзовизмом» не прошла бесследно. Мы, правда, бывали с Лениным вместе всюду, как, например, у известного социалиста Луи Дебрукера⁴⁴, подобно Каутскому, стоявшего тогда по вопросу революционной тактики в России на позиции большевиков, но впоследствии также резко изменившего свое отношение в крайне отрицательную сторону. Таскались мы с Лениным и по музеям и пр. Но расстались мы с ним довольно холодно. Когда я провожал его на вокзал, он, прощаясь со мной, слегка запинаясь, сказал мне:

— Спасибо за гостеприимство, за радушие, — надеюсь, что наши небольшие разногласия не оставят следа на наших отношениях и не помешают нам и впредь работать?..

Конечно, я подтвердил его надежды, и мы расстались. И пока я оставался за границей, в Брюсселе, мы все время находились в сношениях с ним по разным революционным делам: по переброске в Россию разного рода революционных работников, пересылке нелегальной литературы, установлению связей с Россией и пр. А когда окончился срок моей высылки и я собирался ехать в Петербург, Ленин дал мне явку лично от себя к одной зубной врачихе. Но незадолго до моего приезда явка эта была испорчена (провалилась), и я чуть-чуть не попал с нею в руки полиции...

Глава 11

*Я снова в России. — Болезни. — Я теряю связи. —
Сбор в пользу Ленина и Л. Б. Красин. — Революция 1917 года. —
Ленин в plombированном вагоне. — Выступления Ленина
с критикой Временного правительства. — Временное
правительство и мир с Константинополем и проливами. —
Народное движение в апреле 1917 года с убитыми
и ранеными. — Совет рабочих и солдатских депутатов
назначает следственную комиссию. — Я работаю в этой
комиссии. — Комиссия и Керенский. — Комиссия и Ленин. —
Его требования и нападки на меня. — То, что установила
комиссия. — Моя кандидатура в гласные думы. —
Я еду в Стокгольм. — Распоряжение Керенского
о моем аресте. — Я снова эмигрант*

Россия встретила меня недружелюбно. Началась борьба за существование. Потянулись долгие тусклые годы, полные всякого рода личных напастей. Несколько лет я провел, возясь с болезнями, докторами, вынес две серьезные операции.

Далее пошли долгое лечение, пребывание в санаториях и на водах... Я отошел от революционной работы — не до того уж было...

С Лениным мои сношения оборвались сами собой. Лишь изредка я получал от него и передавал ему поклоны через случайно встречавшихся общих товарищей. Так, от одного из них я узнал — это было уже во время войны, примерно в 1916 году, — что Ленин крайне бедствует. Я принялся собирать для него средства. Сборы шли плохо: интерес и к революции, и к Ленину в обществе упал. Не могу удержаться, чтобы не сказать несколько слов об отношении Красина в это время к Ленину.

— Ну, Хромушка*, — обратился я к нему, — раскошеливайся, брат. — И я объяснил ему, в чем дело. К моему несказанному удивлению Красин слушал меня с каким-то деревянным и скучающим выражением лица. Меня это неприятно поразило и как-то,

* «Хромушка», или «Хром», было шутовское домашнее прозвище Красина, с которым обращались к нему и родные, и такие близкие друзья, как я. Реалистом он очень увлекался химией, и, возясь с хромом, он вечно приставал ко всем домашним со своим хромом, почему его и прозвали так.

если можно так выразиться, обескуражило и лишило всякой самоуверенности.

— Все это очень хорошо, — довольно резко, не дослушав до конца, оборвал он меня, — но только я не желаю принимать участия в этом сборе... — И он в упор, вызывающе посмотрел мне в глаза холодным взглядом. Я оправился, овладел самим собой и стал дружески настаивать.

— Эх, Жоржетта (так интимно часто называл он меня), право, ты совершенно напрасно настаиваешь... Ты не знаешь Ильича так хорошо, как знаю его я... Но оставим этот вопрос, Жоржетта, ну его к черту... Давай пойдем завтракать, уже время. (Красин, я знал это, часто в ЦК и на съездах жестоко схватывался с Лениным, который еще в Брюсселе характеризовал его словами «башка, но великий буржуй», из-за чего тогда у меня вышел с ним тоже спор. Отойдя в эту эпоху далеко от революции, Красин при встречах и разговорах со мной, очень часто возвращаясь к воспоминаниям своего видного участия в революции, в свою очередь крайне резко отзывался о Ленине, подчеркивая его нетерпимость, его «нелепое самодержавное генеральство», часто подкрепляя свои характеристики ссылками на их общего близкого товарища Глеба Максимилиановича Кржижановского⁴⁵, также относящегося, по словам Красина, к Ленину весьма скептически в то время.)

Он жил с семьей в Царском Селе, откуда и ездил каждый день в Петербург в свое правление (Сименс и Шуккерт), а потому завтракал в ресторанах. В этот раз он потащил меня к знаменитому Кюба. Но я не отставал от него и за завтраком и настаивал на своем.

— Ну, ладно, — сказал он наконец, — чтобы сделать тебе удовольствие, вот тебе моя лепта... — И он вынул из бумажника две «синенькие» *. Но я резко отклонил это «даяние» и, выругавшись, вернул ему его, сказав, что обойдусь и без его лепты.

— Вот и великолепно, — ответил он, хладнокровно пряча свои десять рублей снова в бумажник. — Не сердись, Жоржетта, но, право, Ленин не стоит того, чтобы его поддерживать. Это вредный тип, и никогда не знаешь, что, какая дикость взбредет ему в его татарскую башку, черт с ним!..

* Пятирублевки. — *Ред.*

На этом наш разговор и прекратился... Я имею в виду написать мои воспоминания специально о Красине, и в них я коснусь подробно отношений Красина с Лениным.

Но вот Россия докатилась до 1917 года. Я принимал, начиная с конца февраля, довольно деятельное участие в народном революционном выступлении, так просто и легко угробившем, не сомневаюсь, навсегда российскую монархию.

В знаменитом plombированном вагоне Ленин возвратился в Петербург*. Я лично не разделял по поводу его приезда восторгов моих старых товарищей, с которыми у меня под влиянием революционного движения вновь установились оживленные связи. Поэтому я и отказался принять участие в торжественной встрече его, когда он прямо с поезда Финляндской ж. д. сразу же поместился на поданный ему специально броневик и, зычным голосом закричав: «Товарищи!», обратился к многотысячной толпе со своими, ставшими теперь историческими, речами. Но спустя несколько дней Ленин заехал ко мне в редакцию «Известий Петербургского Совета депутатов солдат и рабочих», одним из редакторов которых я состоял. Он не застал меня, и через несколько дней я, по его просьбе, зашел к нему в редакцию «Правды».

В то время Ленин, выступая на митингах, зло и резко характеризовал Временное правительство. На эту-то тему мы с ним частенько беседовали, вполне сходясь в нашем отрицательном отношении к гг. керенским разной воды. Самого Керенского Ленин зло называл министром из оперетки «Зеленый остров». Встречался я с ним и в особняке Кшесинской. Встречались мы с Лениным наружно очень дружески, чему способствовало и то, как он относился к таким современным политическим вопросам, как война, мир, немедленный созыв Учредительного собрания... Впрочем, его отношение к этим вопросам известно всему миру, и мне не приходится останавливаться на этом. Отмечу только исторического порядка ради, что в то время все население Петербурга и все партии, кроме «кадетской», стояли на почве тех же требований, которые предъявлял и Ленин. Я лично в отношении мира примыкал к тому течению, которое резко и властно было выражено основными лозунгами мартовской революции**,

* Апрель 1917 г., проехав из Швейцарии через Германию в закрытом вагоне с группой социал-демократов. — *Ред.*

** Речь идет о Февральской революции 1917 г. — *Ред.*

на знамени которой стояло требование мира без аннексий и контрибуций, с восстановлением довоенных границ всех воюющих государств.

Но группа, захватившая власть в порядке революции, с Керенским во главе, имела «мужество» пойти наперекор всенародным требованиям и сделала попытку повернуть колесо истории в удобную ей сторону, чем и провоцировала, бессмысленно провоцировала разделение народа на группы, что вызвало смуту, зародыши гражданской войны, оттолкнув здоровые элементы революции от той средней пропорциональной, в которой — это было ясно для всех, кроме правительства гг. керенских, — заключалось спасение России. И, произведя это преступное разделение революционных масс, быстро разочаровавшихся в своих официальных вождях, неудовлетворенных нелепыми затяжками с созывом (бланки-де нельзя так скоро приготовить?!) Учредительного собрания и пр., Временное правительство, надо полагать, в силу желая подольше оставаться у чисто диктаторской власти, пошло ва-банк, издеваясь над массами, над основными лозунгами мартовской революции... *Et deinde bolschevismus!*⁴⁶

Вот при таких-то условиях 21 апреля 1917 года (позорная дата) министр иностранных дел Временного правительства * выступил с печальной памяти требованием мира на условии, чтобы проливы и Константинополь остались за Россией... К сожалению, подробный историко-политический анализ этого события, могущий составить собою отдельный трактат, не входит в задачу автора настоящей книги, почему я и оставляю его пока в стороне и буду продолжать мое повествование...

Это более чем ошибочное и просто легкомысленное требование не могло, конечно, не подлить масла в огонь и вызвало, как и следовало ожидать, бурный неорганизованный народный протест... Это явилось обильной водой на колеса сравнительно слабо вращающейся мельницы Ленина и его стремлений. И Ленин злорадно, по-мефистофельски злорадно ликовал, сразу же поняв, что это сулит его стремлениям... Я видел его в это время, в день, когда Петербург вдруг снова стал ареной народных волнений. О, как он злорадствовал, и он, и разные Зиновьевы, окружавшие его!..

* П. Н. Милюков. — *Ред.*

22 апреля улицы Петербурга снова обагрились народной кровью. Были убитые и раненые... Все взволновалось. Петербургский Совет солдат и рабочих, ввиду охватившей широкие массы населения тревоги, стремясь успокоить страсти, решил назначить свою особую комиссию для расследования этого события, дав ей широкие полномочия и потребовав, чтобы официальные власти не касались расследования этого дела. Персонально комиссия эта состояла из Б. В. Авилова, П. А. Красикова, Д. Н. Соколова, Крахмаля⁴⁷ и меня. Не могу не упомянуть об одном трагикомическом обстоятельстве.

Естественно, конечно, что назначение этой комиссии, явившееся, в сущности, непарламентским выражением порицания Временному правительству, было неприятно тогдашнему «полудиктатору» А. Ф. Керенскому. Но, как истинный высокопоставленный сын оперетки «Зеленый остров», он принял эту новость, обидевшись чисто по-гимназически и придираясь к зеленоостровским пустякам...

Когда комиссия была сконструирована, Б. В. Авиллов был командирован ею объявить ее статус и вообще все о ней министру юстиции, каковым тогда был А. Ф. Керенский. Последний принял Авилова с величественно-брезгливой гримасой (конечно, маленького) Юпитера. Авиллов передал ему выписку из протокола заседания Совета и заявление комиссии, в котором «предлагалось» министру юстиции передать комиссии все находящиеся в министерстве материалы по расследуемому событию.

Керенский сидел величественно в своем кабинете, едва пригласив Авилова присесть. Он стал с величественным видом опереточного министра читать заявление комиссии. И вдруг брови его грозно нахмурились. «Почему?» — спросит читатель. Да просто потому, что он прочел в заявлении слова «комиссия вам предлагает...».

— Что такое?! — спросил он, отвлекаясь от бумаги и повторяя вслух выражение, остановившее его внимание. — «А потому комиссия вам предлагает...» Как?! «Предлагает»? Мне? Министру?! «Предлагает сделать соответствующее распоряжение о передаче всего следственного материала, имеющегося у чинов министерства юстиции, в распоряжение комиссии...» Не понимаю... комиссия «предлагает» мне?! министру?! Не понимаю...

Так отнесся Керенский к серьезному событию, выделив свое маленькое самолюбие... Больше он ничего не извлек из этого урока...

Назначенный секретарем этой комиссии, я, по существу, являлся ее единственным активным следователем, вызывал к допросам свидетелей, предполагаемых виновных и пр. Расследование приводило меня к убеждению, что две силы вели агитацию по этому взрыву; какие-то либеральные группы с одной стороны и большевики — с другой...

Мне приходилось в это время часто видеться с Лениным, который частенько заезжал ко мне в Таврический дворец, где была резиденция комиссии. Чувствовалось, что он относился к этой комиссии и ее работам настороженно. Я держал себя в разговорах по вопросу следствия с необходимой осторожностью, никому не сообщал никаких фактов, оглашение которых могло бы помешать ходу следствия. Ленин же ставил мне крайне рискованные вопросы, на которые я отвечал общими местами. Это его раздражало и выводило из себя. Он указывал, что в качестве члена Совета солдат и рабочих и редактора «Правды» имеет право знать все подробности о ходе следствия. Я, само собою, не соглашался с ним, что его злило. Я указал ему на то, что он в качестве члена Совета может вести агитацию в пользу дезавуирования меня и что пока я состою членом комиссии, я буду нести мои обязанности так, как я их понимаю.

— Да что же это, мил человек, — возбужденно говорил он, — неужели вы стоите в государственных делах за бюрократическую систему, за канцелярскую тайну и прочие благоглупости?.. Вас, очевидно, тоже охватывает, по выражению Достоевского, «административный восторг». Как вы не понимаете, что мне нужно знать все, что делается в комиссии? А вы прячетесь под сень «следственных тайн»... не понимаю.

— Я действую по инструкции, данной мне комиссией, которая в первом же своем распорядительном заседании единогласно постановила не оглашать следственного материала до окончания ее работ...

— Ха-ха-ха! — с досадой отвечал он. — Это значит «прокуль профани»!* Так? А сами вы в тиши канцелярий будете вершить ваше великое дело, господа мои хорошие, бюрократы прореволюционной формации, а там, глядишь, вдруг и облагодетельствуете нас, грешных, каким-нибудь мероприятием вроде салтыковского помпадура... Эх вы, горе-следователи!..

* Полный профан. — *Ред.*

— Право, Владимир Ильич, вы зря сыпете вашими перунами, — отвечал я. — Пора бы вам уже знать из давних времен, что они на меня не действуют, — мне просто противно... скажу правду, до тошноты противно и стыдно за вас...

Между тем некоторые свидетели давали мне показания, из которых было, несомненно, видно влияние Ленина и его окружения* на некоторые моменты выступления. Нащупывался ясный след, который вел хотя и зигзагами, но упорно во дворец Кшесинской или в редакцию «Правды». Часто мне, как следователю, сообщали свидетели номера телефонов «Правды», Кшесинской и других, которые раздавались участникам протеста, а равно и конспиративные адреса разных «ленинцев»... Словом, как-то все определеннее и яснее намечались следы ленинской руки...

А Ленин продолжал нервничать и при встречах со мною задавал то насмешливые, то явно тревожные вопросы...

— Ну, что, Георгий Александрович, — спросил он меня как-то, по обыкновению, наружно насмешливо, но с худо скрытой тревогой, — как идет следствие? Скоро ли вы отдадите распоряжение об аресте нас, грешных?.. По старой дружбе предупредите заранее, чтобы мы велели присным заготовить провизию для передачи нам, когда вы найдете нужным ввергнуть нас в узилище...

Следственный материал был собран и приведен в порядок... Но мне вскоре из-за болезни пришлось уехать в Стокгольм, ибо врачи категорически потребовали, чтобы я прекратил всякую работу и уехал куда-нибудь отдохнуть...

Совет солдат и рабочих, узнав о моем предполагаемом отъезде, просил меня поехать в качестве дипломатического курьера и взять для передачи в Стокгольме кое-какие пакеты. Я согласился.

Между тем еще до моего отъезда я был намечен по списку большевиков кандидатом в гласные Василеостровской городской думы. Дело в том, что было решено разбить весь Петербург на отдельные коммуны с самостоятельными муниципиями. Я согласился и уехал и вскоре в мое отсутствие был избран.

* Необходимо отметить, что далеко не все большевики были «ленинцами» и шли в ногу с ним. Так, уже в то время против Ленина выступали Каменев, Гольденберг, Красин, Краси́ков, я и другие и вся группа «Новой жизни». Замечу, что мы (Красин, я и др.) были чисто классическими большевиками, принимавшими большевизм лишь таким, каким он был до революции, и стояли враждебно к «необольшевизму», или, если угодно, «ленинизму».

В Стокгольме спустя некоторое время был назначен социалистический съезд (не помню точно его назначения, кажется, о мире), на который от Петербургского Совета солдат и рабочих был делегирован покойный О. П. Гольденберг⁴⁸ (классический большевик) и другие. Он привез мне известие об избрании меня в Думу и вместе с тем предупреждение от моих друзей не возвращаться в Россию, так как в связи с возникшим преследованием (скрывавшегося от ареста) Ленина, Троцкого, Козловского и других Керенский подписал постановление арестовать и меня при въезде в Россию. Конечно, это было вздорное постановление, так как я абсолютно не принимал участия в ленинском движении. Но, по настоянию моих друзей, а также и Гольденберга, я остался в Стокгольме и, таким образом, снова, волею Временного правительства, стал эмигрантом. Меня стала травить русская печать определенного направления с «Новым временем» во главе, которое валило на мою голову самые нелепые обвинения.

Глава 12

*Большевистский переворот. — Я в Петербурге. —
Встреча с Лениным. — Он совершенный диктатор.
Он приглашает Красина и меня в правительство. —
Мы отказываемся. — «Бей, ломай все, —
что разобьется, то хлам!» — Я напоминаю об его словах
о «максимализме». — Ответ Ленина: «...тот Ленин умер,
больше не существует!» и «новый Ленин». —
Он угрожает мне за мои взгляды Урицким (ЧК). —
Нэп и последний привет Ленина мне*

Большевистский переворот застал меня в Стокгольме. Вскоре я поехал в Петербург, чтобы выяснить себе истинное положение вещей. Я довольно подробно описываю то, что я там увидел, в моих воспоминаниях «Среди красных вождей». Там, между прочим, я привожу мой разговор с Лениным на злобу дня. Но в цитированных моих воспоминаниях, где мои объяснения с Лениным были только одним из эпизодов, я по необходимости говорил о нем весьма сжато, упуская много характерных подробностей.

В данном же труде, посвященном специально Ленину, я добавлю кое-что, вносящее известные черты в его характеристику.

— Ага, вот и вы, — сказал он, — давно бы пора... Будем вместе работать? Вы, надеюсь, притянете и Никитича*, который глупо стоит в стороне и не хочет примкнуть к нам... Ну, а вы? С нами, не правда ли?

— Я ничего не могу пока сказать, Владимир Ильич, мне надо оглядеться, я для того и приехал...

— А вы виделись уже с Никитичем? Да! (Я подтвердил кивком головы.) Ну, воображаю, сколько кислых слов он вам наговорил о нас... Но и вы и он должны примкнуть к нам...

Вот здесь-то у нас и произошел разговор, приведенный мною в моих воспоминаниях («Среди красных вождей»), который я частично воспроизвел и в настоящем труде и который я теперь дополню.

Говорил со мной в этот раз Ленин резко, тоном настоящего и всесильного диктатора.

— Допустим, — говорил он, — что не все укладывается в ваше и Никитича понимание... Что делать: для молодого вина старые мехи малопригодны, слабоваты они, закон истории... Но нам нужны люди, как Никитич и вы, ибо вы оба люди-практики и делового опыта. Мы же все, вот посмотрите на Менжинского, Шлихтера и прочих старых большевиков... слов нет, все это люди прекраснодушные, но совершенно не понимающие, что к чему и как нужно воплощать в жизнь великие идеи... Ведь вот ходил же Менжинский в качестве наркомфина с целым оркестром музыки не просто взять и получить, нет, а реквизировать десять миллионов... Смехота... А посмотрите на Троцкого в его бархатной куртке... Какой-то художник, из которого вышел только фотограф, ха-ха-ха! Даже Марк (Елизаров) ничего не понимает, хотя он и практик, но в голове у него целый талмуд, в котором он не умеет разобраться...

Среди этого разговора, держась все время настороже, чтобы не сказать чего-нибудь, что могло бы меня связать каким-нибудь необдуманном обещанием, я обратил его внимание на то, что, насколько я успел заметить и понять, вся деятельность большевиков у власти пока что сводится к чисто негативной.

— Ведь пока что — не знаю, что будет дальше, — вы только уничтожаете... Все эти ваши реквизиции, конфискации есть не что иное, как уничтожение...

— Верно, совершенно верно, вы правы, — с заблестевшими как-то злорадно вдруг глазами живо подхватил Ленин. — Верно.

* Старинная партийная кличка — псевдоним Красина.

Мы уничтожаем, но помните ли вы, что говорит Писарев, помните? «Ломай, бей все, бей и разрушай! Что сломается, то все хлам, не имеющий права на жизнь, что уцелеет, то благо...» Вот и мы, верные писаревским — а они истинно революционны — заветам, ломаем и бьем все, — с каким-то чисто садическим выражением и в голосе и во взгляде своих маленьких, таких неприятных глаз, как-то истово не говорил, а вещал он, — бьем и ломаем, ха-ха-ха, и вот результат, — все разлетается вдребезги, ничто не остается, то есть все оказывается хламом, державшимся только по инерции!.. Ха-ха-ха, и мы будем ломать и бить!..

Мне стало жутко от этой сцены, совершенно истерической. Я молчал, подавленный его нагло и злорадно сверкающими узенькими глазками... Я не сомневался, что присутствую при истерическом припадке.

— Мы все уничтожим и на уничтоженном воздвигнем наш храм! — выкрикивал он. — И это будет храм всеобщего счастья!.. Но буржуазию мы всю уничтожим, мы сотрем ее в порошок, ха-ха-ха, в порошок!.. Помните это и вы, и ваш друг Никитич, мы не будем церемониться!..

Когда он, по-видимому, несколько успокоился, я снова заговорил.

— Я не совсем понимаю вас, Владимир Ильич, — сказал я, — не понимаю какого-то, так явно бьющего в ваших словах угрюм-бурчеевского пафоса, какой-то апологии разрушения, уносящей нас за пределы писаревской проповеди, в которой было здоровое зерно... Впрочем, оставим это, оставим Писарева с его спорными проповедями, которые могут завести нас очень далеко. Оставим... Но вот что. Все мы, старые революционеры, никогда не проповедовали разрушения для разрушения и всегда стояли, особенно в марксистские времена, за уничтожение лишь того, что самой жизнью уже осуждено, что падает...

— А я считаю, что все существующее уже отжило и сгнило! Да, господин мой хороший, сгнило и должно быть разрушено!.. Возьмем, например, буржуазию, демократию, если вам это больше нравится. Она обречена, и мы, уничтожая ее, лишь завершаем неизбежный исторический процесс. Мы выдвигаем в жизнь, на авансцену ее, социализм или, вернее, коммунизм...

— Позвольте, Владимир Ильич, не вы ли сами в моем присутствии, в Брюсселе, доказывали одному юноше-максималисту весь вред максимализма... А вы тогда говорили очень умно и дельно...

— Да, я так думал тогда, десять лет назад, а теперь другие времена назрели...

— Ха, скоро же у вас назревают времена для вопросов, движение которых исчисляется столетиями, по крайней мере...

— Ага, узнаю старую добрую теорию постепенства, или, если угодно, меньшевизма со всею дребеденью его основных положений, ха-ха-ха, с эволюцией и прочее, прочее. Но довольно об этом, — властным, решительным тоном прервав себя, сказал Ленин, — и запомните мои слова хорошенько, запомните их, зарубите их у себя на носу, благо он у вас довольно солиден... Помните: того Ленина, которого вы знали десять лет назад, больше не существует... Он умер давно, с вами говорит новый Ленин, понявший, что правда и истина момента лишь в коммунизме, который должен быть введен немедленно... Вам это не нравится, вы думаете, что это сплошной утопический авантюризм... Нет, господин хороший, нет...

— Оставьте меня, Владимир Ильич, в покое, — резко оборвал я его, — с вашим вечным чтением мыслей... Я вам могу ответить словами Гамлета: «...ты не умеешь играть на флейте, а хочешь играть на моей душе...» Я не буду вам говорить о том, что я думаю, слушая вас...

— И не говорите! — крикливо и резко и многозначительно перебил он меня. — И благо вам, если не будете говорить, ибо я буду беспощаден ко всему, что пахнет контрреволюцией!.. И против контрреволюционеров, кто бы они ни были (ясно подчеркнул он), у меня имеется товарищ Урицкий!.. * Ха-ха-ха, вы, вероятно, его не знаете!.. Не советую вам познакомиться с ним!..

И глаза его озарились злобным, фантастически-злобным огоньком. В словах его, взгляде я почувствовал и прочел явную неприкрытую угрозу полупомешанного человека... Какое-то безумие тлело в нем...

Я не буду приводить всего того, о чем мне пришлось еще говорить с ним в этот мой приезд... Все существенное я сказал как в данных воспоминаниях, так и в цитированной книге «Среди красных вождей»...

Мы расстались с Лениным при явно враждебном отношении друг к другу, и что он, ничем не стесняясь, и вымещал на мне впоследствии во все время моей советской деятельности... Отношения наши, во всяком случае, отлились в форму самую неприязненную,

* Председатель Петроградской ЧК, убит 30 августа 1918 г. эсером Каннигесером. — *Ред.*

почему я и прекратил с ним личные сношения, хотя я и стоял на высоких постах. В неизбежных случаях личных переговоров мы оба, не сговариваясь, прибегали к телефону или к письмам или сносились через посредство Красина, которому Ленин неоднократно говорил, что предпочитает не встречаться со мной, так как я действую одним своим видом и тоном моего голоса ему на нервы. То же приблизительно говорил ему и я...

Но мне вспоминается еще, как Ленин передал мне через Красина привет, когда я был в Лондоне (директором «Аркоса»). Это было по поводу введения нэпа. Красин ездил по делам в Москву, и там (1922 г.) Ленин, убедившись, не без влияния Красина, в том, что необходимо дать относительную свободу задержанному большевиками русскому народу, решительно повернул курс направо, первым шагом чего и явился нэп (новая экономическая политика). Когда Красин, собираясь обратно в Лондон, зашел проститься с Лениным, он в заключение, вдруг что-то вспомнив, сказал ему:

— Да, кстати, кланяйтесь Соломону и расскажите ему о новом направлении, о новой тактике, — его буржуазное сердце порадуется этому первому шагу на пути восстановления прав буржуазии и демократии...

Больше мне не приходилось обмениваться с ним никакими сношениями.

Заключение

*Мучительная и длительная агония Ленина. — Его ужас. —
Заговорившая совесть. — Крах ленинизма. —
Болезнь и проблески ясного сознания. —
Ленин и его окружение. — Новые слова и идеи в глазах
«дружины» Ленина. — Проведение политики нэпа как
первого шага на пути строительства. — Трагедия вождя,
экспроприированного рабами. — Глубокое презрение Ленина
к Сталину и Троцкому. — Ленин умирает в плену у своего
окружения. — Споры за «трон». — Безбожное правительство
организует культ умершего. — Его мощи,
которые разлагаются и гниют*

Мое описание Ленина, по личным моим воспоминаниям и отношениям с ним, закончено. Я привел в моей книге все наиболее характерное из того, что сохранилось в моей памяти об этой зло-

вещей для России, а может быть, и не только для России, исторической личности...

Я воздерживаюсь от невольно напрашивающихся общих характеристик и выводов, предоставляя приведенным фактам говорить самим за себя и самому читателю сделать те или иные выводы...

Мне остается только поставить заключительную точку. Но, прежде чем сделать это, я не могу не сказать, что в конце своей жизни Ленин пережил мучительную, длительную, трагическую агонию. Всем известно, как он умер.

Я не был свидетелем его последних дней, его предсмертных мучений. Говорю о них со слов других. А страдания его, очевидно, были ужасны. И ужас их, их сила сводилась главным образом к чисто моральным переживаниям. Полупомешанный, но с частыми (сперва) возвратами к просветлению, он не мог не видеть того, до чего он довел Россию, он не мог не понять того, что его система идти и забирать как можно левее потерпела полный крах, принеся несчастье не одной России. Заговорило, по-видимому, и то простое человеческое, чему имя: «совесть»...

Но сильный и, сказал бы я без желания оскорбить его память, идиотски сильный волею человек, он думал и надеялся, что всегда успеет в должный момент повернуть руль в необходимом, согласно требованию момента, направлении, рассчитывая только на свои силы и глубоко презирая свое окружение, всех этих Троцких и Сталиных. И он не мог не убедиться, что не только нельзя дальше идти влево, но что наступил момент конца жестоким экспериментом, когда рулевой должен изо всей силы повернуть штурвал, чтобы, сдвинувшись с мертвой точки крайней, упершейся в тупик левизны и разрушения всего, пойти по новому пути, пути строительства и восстановления жизни... И вот, уже одолеваемый начальной стадией своей ужасной болезни, он пользовался просветлениями в обволакивающей его ночи, чтобы начать готовить население, а главное, подготовить «товарищей», всех тех, кого он, развратив своим «учением» и вызвав в них усердие не по разуму, всех этих «ленинцев», к необходимости пойти назад, к старым формам жизни...

И вот, еще задолго до нэпа он в своих очередных выступлениях и речах стал указывать на те крайности, до которых довела Россию «левизна» его основной политики. Он смело, мужественно и резко стал указывать на них, как раньше определенно же вел влево.

Он говорил о «детских болезнях», которые переживала и, по его словам, пережила коммунистическая партия и руководимое ею Советское правительство, от которых теперь следует решительно отказаться.

Он говорил, и доказывал, и убеждал... Но горе предводителю, который вел народ к известной туманной точке, вел, сам не веря в ее реальность, но убеждая, что она существует и видна, как путеводная звезда. И еще больше горе и несчастье тому народу, который, частью уверовавший в обман, а большею частью подгоняемый дружиной такого вождя, шел за ним... Обман обнаружился, мираж исчез, и путеводная звезда оказалась расколотым корытом жизни. Но те, кто стоял рядом с вождем и кто всеми силами, искренно или неискренно, с усердием приближенных рабов, или глупых, или главным образом лукавых, проводил взгляды вождя, пользуясь за это первыми местами, не могли, конечно, не возмутиться, когда из уст его услышали слова, шедшие вразрез со всем тем трафаретом, с которым они уже свыклись и эксплуатация которого обеспечивала им и на будущее (как им казалось) власть и могущество... Они не могли не испугаться, ибо отказ от трафарета, казалось им, мог повести не только к уничтожению их влияния, но даже и к полному, не только моральному, но самому простому физическому уничтожению...

И вот мы видим, что уже с самых первых попыток Ленина, своими выступлениями с новыми положениями подготавливавшего умы к повороту вправо, «апостолы и ученики» его возмутились духом и, чувствуя уже за собой силу, стали критиковать своего «учителя» и, основываясь на его же первоначальных проповедях и речах, от которых он теперь также настоятельно старался отвлечь всех и вся, стали выпрямлять и углублять его «линию», толкая и его, и других к старой, уже избитой дороге прежних «основоположений». И уже в этот подготовительный момент к необходимости поворота среди дружины возникли секты, или расколы, и появились разные «оппозиции»: троцкистская, шляпниковская и пр., лидеры которых ведут свою проповедь, исходя и развивая ее от прежнего «учения» своего вождя... Они его именуют «Великим Учителем»...

У Ленина хватило еще сил провести свой первый шаг к новой политике. И он нередко говорил близким товарищам, чьи мозги были затуманены inferнальным «ленинизмом», как, напри-

мер, Красину, что нэп лишь первая ступень на пути к творческой работе по восстановлению жизни. Он, не стесняясь, говорил, что жизнь уперлась в тупик, указывая, в частности, на то, что политика разрушения дошла до такого абсурда, как полное лишение всех прав буржуазии, этого класса, еще не сыгравшего своей исторической миссии... И в минуты особой откровенности он сам себя упрекал в этом и уже решительно повернул лично фронт и старался внедрить и в головы своих учеников необходимые «поправки»...

Но было уже поздно.

Разыгравшиеся у «дружинников» аппетиты и к власти, значению и просто к самым грубым наслаждениям были уже сильнее влияния ослабевшего и с каждым днем все более падающего вождя... На него уже не обращали внимания, и, как в басне, умирающего льва легали все, не исключая и ослов... А в «придворных» кругах уже начались шепоты, интриги, стремления и разговоры о том, кто должен и может «наследовать» Ленину.

А он умирал уже. По временам он лишался языка. Но «дружинники» не оставляли его в покое и, в сущности, держали его в полном плену. Но, подлые и трусливые, они для вида и «престижа» окружали его царской роскошью и изысканным уходом, полным внешнего раболепия, выписывали для него лучших европейских врачей.

А он умирал. И мучился. Мучился сомнениями и ужасом, что «наследство» перейдет к Сталину... Троцкому... Он их обоих глубоко, как известно, презирал и вполне основательно с омерзением относился к обоим претендентам «на трон»...

И во время одного из все более и более редких проблесков ясного ума он успел составить свое политическое завещание, в котором, по слухам, настаивал на том, чтобы ни Сталин, ни Троцкий не «наследовали» ему...

Он умер.

«Безбожное» правительство и такая же партия канонизировали его и приготовили из его брэнного тела кощунственные «*мощи*»...

Составленное Лениным подлинное завещание исчезло: его, по слухам, скрыл Сталин, который в конечной схватке борьбы за «престол» одолел, как известно теперь, всех своих «врагов и супостатов», как слева, так и справа...

А кощунственные мощи Ленина разлагаются и гниют...